А. Н. ПОТРЕСОВЪ
(СТАРОВѢРЪ)

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

АРТЕЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ
О „НАСЛѢДСТВѢ" И „НАСЛѢДНИКАХЪ"
О РАЗНОЧИНЦѢ-СКИТАЛЬЦѢ
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ
СОВРЕМЕННАЯ ВЕСТАЛКА
О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТІИ
НАШИ ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 54

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе V

Артельная эпопея 1

О „наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“ 73

О разночинцѣ-скитальцѣ. 110

Что случилось? 148

Современная весталка 180

О двуликой демократіи 219

Наши злоключенія:

I. О либерализмѣ и гегемоніи 232

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интелигентской соціалдемократіи 253

II.

О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціалдемократіи [1].

1.

Что русскую соціалдемократію разъѣдаетъ какой-то недугъ, это знаетъ—по нашимъ временамъ затяжного партійнаго кризиса—разумѣется, всякій, кому не лѣнь только знать. Это знаютъ даже тѣ мономаны, которые всѣ свои душевныя и умственныя силы ухлопали на процессъ искорененія партійной крамолы; для нихъ „внутренній врагъ“ и есть тотъ болѣзнетворный микробъ, котораго надо убить; для нихъ и болѣзнь соціалдемократіи поддается лѣченію только патентованныхъ средствъ старинной медицины—purgare et clistirizzare. Мономаны смѣшны, но не одни мономаны видятъ корень недуга въ сторонней внѣшней причинѣ, не они одни полагаютъ, что организмъ россійской соціалдемократіи былъ бы здоровъ, если бы только не наличность инороднаго тѣла. Приблизительно такъ говорили всѣ мы пять лѣтъ тому назадъ, такъ, въ частности, писалъ и я когда-то, призывая соціалдемократію „стряхнуть съ себя иго демократическаго плѣненія“. Правда, это было въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за наибольшимъ расцвѣтомъ экономизма, это было тогда, когда звѣзда Тугана-Барановскаго и Струве еще сіяла полнымъ свѣтомъ на небосклонѣ журнальнаго марксизма.

Однако, съ тѣхъ поръ великое множество перемѣнъ произошло въ общественныхъ коньюнктурахъ. Экс-властители думъ, на спѣхъ продѣлавъ эволюцію „отъ марксизма къ идеализму“, порвали свои послѣднія соціалдемократическія связи и не позже 1902 г. уже оказались передовыми застрѣльщиками „умѣрен-

---

[1]) Первыя 9 главъ этой работы появились отдѣльными статьями въ теченіе 1905 года.

ныхъ отцовъ" либерализма. Подъ впечатлѣніемъ весеннихъ событій 1901 года съ необыкновенной быстротой совершался процессъ освобожденія демократической интеллигенціи изъ-подъ чаръ пролетарскаго ученія. Ушли „умѣренные", уходили и революціонные демократы: соціалисты-революціонеры съ шумомъ подымали свое знамя, приглашая подъ него всѣхъ и вся. Становилось довольно-таки просторно—чтобы не сказать пустынно—въ рядахъ марксистской, соціалдемократической интеллигенціи.

А, между тѣмъ, соціалдемократія — очищенная, исправленная — тянула все ту же надоѣдливо-запоздалую ноту, голосомъ автора брошюры „Что дѣлать?", заявляя о существованіи „коренной противоположности двухъ направленій въ русской соціалдемократіи" и о необходимости борьбы — „рѣшительной борьбы"—„съ этимъ расплывчатымъ и мало опредѣленнымъ, но зато тѣмъ болѣе устойчивымъ и способнымъ возрождаться въ разнообразныхъ формахъ направленіемъ". Écrazez l'infâme. И это тогда, когда l'infâme, нечестивцемъ, котораго надлежало изничтожить, было наполовину уже увядшее „Рабочее Дѣло". Вскорѣ оно увяло окончательно и ко времени партійнаго съѣзда 1903 г. оставило по себѣ одни лишь воспоминанія, да пару „обломковъ разбитаго корабля". Казалось бы, наконецъ-то наступила желанная, давно жданная минута успокоенія: „посторонніе" удалены, въ худшемъ случаѣ—не у дѣлъ, поле брани свободно, оставалось бы только констатировать, что періодъ размежевокъ законченъ, и перейти къ очереднымъ дѣламъ. Но какъ бы не такъ—„сказка о бѣломъ бычкѣ" начиналась сначала: „курилка" оппортунизма, оказывается, былъ пуще прежняго живъ и распространялъ свою заразу на добрую половину всей партіи. Мало того. Онъ захватилъ въ свои цѣпкія лапы родоначальницу русской соціалдемократіи—„Группу Освобожденіе Труда". Въ результатѣ— „исключительные законы", „осадное положеніе", проскрипціонные списки и желѣзное кольцо уставныхъ нормъ и гарантій, предназначенное служить непроницаемой броней для столь подверженнаго зараженію организма нашей партіи. И, въ концѣ концовъ, послѣ полуторагодичнаго „уставнаго" существованія—надвигающійся расколъ по всей линіи. Своеобразный „итогъ"!

Когда „Искра“ еще только зачиналась, была брошена въ оборотъ сакраментальная формула: необходимо размежеваться прежде, чѣмъ соединяться. И съ того дня и до настоящаго времени соціалдемократія занимается—въ потѣ лица своего—размежеваніемъ. Пять цѣлыхъ лѣтъ! И до сихъ поръ не видно конца краю этому ея упражненію. Она готова размежевываться до пульверизаціи и все не можетъ подойти къ обѣщанному формулой вожделѣнному моменту соединенія. Она размежевывается!—Такъ больной, который бредитъ, готовъ сбросить съ себя все и остаться въ чемъ мать родила, и разбить себѣ голову о стѣну, потому что внутренняя боль его тѣла, порожденія его больной головы, проектируются имъ на экранѣ сознанія, какъ вещи въ себѣ, какъ самостоятельныя причины его бѣдъ.

2.

Словъ нѣтъ, марксистообразная демократія стояла въ свое время надъ душой россійскаго соціалдемократическаго движенія, награждая его антиреволюціонной „трезвенной“ „умѣренностью“, тѣмъ особымъ видомъ поссибилистской приспособляемости, который на ленинскомъ жаргонѣ называется „хвостизмомъ“, и иными, столь же мало похвальными, свойствами, но, во-первыхъ, **этотъ** типъ буржуазно-демократическаго вліянія, какъ я уже сказалъ, сошелъ почти на нѣтъ къ началу 900-хъ годовъ, съ наступленіемъ эры демонстрацій, террористическихъ настроеній и общаго революціонизированія демократической интеллигенціи, а во-вторыхъ,—и это главное—даже единичный примѣръ этого буржуазно-демократическаго повѣтрія долженъ былъ бы, казалось, вплотную подвести насъ къ проклятому вопросу: почему же россійская соціалдемократія столь чувствительна къ повѣтріямъ, отчего нѣтъ въ ней устойчивости, отчего гнется она, точно стебель, колеблемый вѣтромъ, изъ стороны въ сторону?

А подойти къ вопросу значило себѣ уяснить, что представляетъ собою соціалдемократія, какова та среда, тотъ общественный комплексъ, который у насъ, въ Россіи, впитываетъ въ себя, преломляетъ въ призмѣ своей психологіи, интерпретируетъ,

комментируетъ, перерабатываетъ согласно своему „естеству“ въ политическіе лозунги, въ тактическія директивы, въ организаціонные „планы“ — великое ученіе международнаго пролетаріата. Или, иначе говоря, что включаетъ въ себя тотъ революціонный, соціалдемократическій остатокъ, который получается за вычетомъ всего чужероднаго, послѣ самаго что ни на есть скрупулезнаго отцѣживанія зараженныхъ или хотя бы только сомнительныхъ элементовъ.

Немногія исключенія не въ счетъ, въ этомъ революціонномъ, соціалдемократическомъ остаткѣ оказывается все та же интеллигенція. Но въ томъ-то и дѣло, что эта кардинальная и въ своемъ родѣ роковая особенность россійской соціалдемократіи долгіе годы принадлежала къ числу тѣхъ истинъ, о которыхъ не принято говорить, которыя въ лучшемъ случаѣ пользуются полупризнаніемъ и изъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, не дѣлается какихъ-либо практическихъ выводовъ. Если одни отъ нея просто отмахивались, то другіе готовы были даже отрицать самый фактъ, казалось бы, неоспоримый. Неудивительно, конечно, что въ настоящіе дни литература Галерки оспариваетъ эту очевидность— на то она и литература Галерки,—но гораздо болѣе удивительно и достойно вниманія, что еще въ 1900 году признаніе интеллигентскаго par excellence состава соціалдемократіи принималось за что-то почти еретическое, и это въ то время, когда сознательный пролетарій въ еще большей степени, чѣмъ даже теперь, представлялъ собою rara avis, рѣдкую диковину партійнаго міра. Такъ, я помню хорошо, съ какимъ неудовольствіемъ былъ встрѣченъ иными тотъ тезисъ статьи „Что случилось“, который гласилъ: „марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи, такимъ же кровнымъ ея дѣтищемъ, какъ и знаменитое движеніе 70-хъ годовъ“.

Тезисъ былъ непріятенъ: онъ мѣшалъ упрощенному пониманію задачъ соціалдемократической партіи, онъ вводилъ въ уравненіе лишнее слагаемое и ставилъ въ упоръ проблему о томъ, какъ согласить преобладающе интеллигентскій составъ движенія съ его марксистскимъ, а, слѣдовательно, и соціалдемократическимъ характеромъ; онъ

подымалъ тревожную мысль, не преобразуетъ ли общественный слой, извѣстный подъ именемъ интеллигенціи, пролетарскаго ученія на свой ладъ, подъ цвѣтъ своей общественной физіономіи. Гдѣ гарантія того, что всѣ его интеллигентски-партійныя постройки служатъ не только запросамъ и цѣлямъ интеллигенціи, но и дѣйствительно отвѣчаютъ интересамъ рабочаго движенія въ его цѣломъ. Неужели только въ томъ, что представители этого общественнаго слоя субъективно вѣрны революціонному ученію Маркса. Эти сомнѣнія стояли передо мной во всей своей грозной реальности, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки найти для себя удовлетворительный отвѣтъ въ анализѣ того общественнаго содержанія, той групповой психологіи, съ которыми революціонно-настроенная русская разночинная интеллигенція выступаетъ на сценѣ исторіи.

Одно изъ двухъ: или это содержаніе въ своихъ рѣшающихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ пролетарскаго движенія и тогда есть оправданіе россійской соціалдемократіи, тогда можно не бояться ея „интеллигентности“, или оно съ нимъ не совпадаетъ, и въ такомъ случаѣ—годны на смарку всѣ наши усилія: „интеллигентская стихія“, не введенная въ границы сознательнымъ пролетаріатомъ, рано или поздно проложитъ свое собственное русло и дастъ себя знать во всей своей групповой особности. Или-или! Tertium non datur! „Что случилось“ рѣшало вопросъ въ пользу русской интеллигенціи, оно намѣчало элементы въ ея психологіи, сближающіе ее съ пролетаріатомъ, и ставило оптимистическій прогнозъ для дальнѣйшей ея дѣятельности. Именно за это какой-то борзописецъ изъ „Впередъ“ и обругалъ меня недавно, заявивъ, что лишь я, молъ, одинъ и переоцѣниваю такъ интеллигенцію. Неблагодарный, онъ не понималъ, что только эта моя, будто бы, переоцѣнка и придавала извѣстный еще смыслъ его собственному существованію.

Разумѣется, я ничего не переоцѣнивалъ, но я, если угодно, не дооцѣнилъ въ свое время—вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками—тѣхъ особенностей въ общественномъ складѣ революціонной интеллигенціи, которыя должны были неизбѣжно идти наперекоръ нормальному развитію соціалдемократіи. Эта недо-

оцѣнка, однако, была не простой случайностью, тѣмъ менѣе индивидуальной ошибкой.

Въ то время, пять лѣтъ тому назадъ, революціонно-интеллигентскій типъ начиналъ только вновь формироваться, послѣ многолѣтняго перерыва реакціи, и отдѣльныя черты его, разсѣянныя по разрозненнымъ кружкамъ, были въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и сами кружки, лишь чисто номинально объединенные незадолго до того въ единую соціалдемократическую партію. Да и кружки того времени—эта колыбель интеллигентскаго революціонизма—представляли собою точки скрещенія противоположныхъ вліяній: въ нихъ подполье сочеталось причудливымъ образомъ съ тѣмъ фальсификатомъ марксизма, которымъ надѣляли ихъ тогдашніе легальные писатели, въ соотвѣтствіи моменту предреволюціоннаго затишья.

Если уже тогда что бросалось въ глаза, такъ это развѣ та примитивность въ методахъ мышленія, та специфическая куцость пониманія и особенно примѣненія Марксова ученія къ явленіямъ дѣйствительности, которыя курсировали въ подпольныхъ кружкахъ, но которыя невозможно было поставить еще въ связь съ какой-либо опредѣленной политической доктриной. Легко, конечно, въ настоящее время, давая ретроспективный обзоръ нашего прошлаго, устанавливать близость, родство и преемство между легальнымъ бутономъ и нелегальнымъ цвѣткомъ, между извѣстнымъ оттѣнкомъ подцензурнаго русскаго марксизма и нѣкоторыми послѣдующими явленіями соціалдемократической исторіи; и трудно-немыслимо было тогда, когда вся россійская соціалдемократія, едва выйдя изъ рамокъ борьбы съ идеями народничества и вопросовъ о наилучшихъ пріемахъ агитаціи, еще только вступала на путь организаціоннаго строительства и широкой партійной политики. Какъ бы то ни было, мы уже не можемъ теперь игнорировать это преемство и для того, чтобы понять интеллигентскій революціонизмъ въ его quasi-соціалдемократическомъ обличьѣ, должны вернуться къ начальнымъ его, эмбріональнымъ, стадіямъ, къ той фазѣ его развитія, когда кружковая подпольная жизнь, накладывая первые штрихи свои на ученіе Маркса, залагала основы его идеологіи.

3.

Когда у насъ говорятъ о легальномъ русскомъ марксизмѣ— я разумѣю, конечно, марксизмъ 90-хъ годовъ, а не современный „реалистическій“ марксизмъ эпигоновъ,—то имѣютъ обычно въ виду марксизмъ двоякаго рода: съ одной стороны, марксизмъ русской буржуазной демократіи, марксизмъ г. Струве и его присныхъ, и, съ другой—тотъ революціонный подлинный марксизмъ, взрощенный въ атмосферѣ международнаго идейнаго общенія и пролетарской борьбы, который, какъ бомба, ворвался вмѣстѣ съ знаменитымъ памфлетомъ Плеханова-Бельтова въ литературную обстановку того времени. Но при этомъ непремѣнно забываютъ, что отечественный марксизмъ включалъ въ себя и третью еще разновидность: марксизмъ кружкового подполья.

Это былъ, на первый взглядъ, малозамѣтный, тусклый, уродливый порою образчикъ марксизма, скромно ютившійся подъ крыломъ ортодоксіи, но за этою неприглядной внѣшностью таилась связь съ революціонно-интеллигентской средой въ существѣ своемъ болѣе глубокая, чѣмъ какой когда-либо достигалъ неподдѣльный международный марксизмъ. Не авторъ „Монистическаго взгляда на исторію“, во всемъ блескѣ своего дарованія, а гг. Тулинъ и Влад. Ильинъ съ ихъ схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже въ самыя неподатливыя головы, безконечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть опредѣленной части россійской интеллигенціи. Они были кость отъ кости ея и плоть отъ ея плоти. Они говорили ея языкомъ и пользовались ея аргументами. Они служили нагляднымъ показателемъ того, что могло быть усвоено и что должно было быть сдѣлано изъ Марксова ученія революціонно-интеллигентской кружковщиной.

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ болѣе разительное противорѣчіе, болѣе вопіющее несоотвѣтствіе, чѣмъ то, которое было между революціоннымъ марксизмомъ и средой, въ наличныхъ русскихъ условіяхъ собиравшейся его воспринимать и дальше пускать въ оборотъ. Достаточно вспомнить для этого

основную традиціонную ячейку радикальной и революціонно-настроенной интеллигенціи, лабораторію ея мысли—дискуссіонный кружокъ, изъ элементовъ котораго и вырастаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, активно-революціонная коллективность. Это цѣльный въ своемъ родѣ организмъ, довлѣющій себѣ, живущій въ особомъ міркѣ усвоенныхъ идей и собственныхъ доморощенныхъ построеній, состоящій изъ людей, либо въ жизнь еще не вошедшихъ (если это кружокъ совсѣмъ юной молодежи), либо уже отгороженныхъ, отщепленныхъ отъ жизни условіями полицейскаго государства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически-аморфнаго общества, въ которомъ даже самыя значительныя измѣненія совершаются гдѣ-то въ глубинѣ, подъ спудомъ наружнаго безразличія.

Естественно поэтому, что это общество, надѣляя своихъ интеллигентныхъ отщепенцевъ жгучей ненавистью къ себѣ, щедро надѣляло ихъ въ то же время своей собственной соціально-политической неразвитостью и соотвѣтственной безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его процессовъ. Интеллигентски-кружковая среда, относительно сильная въ талмудистскомъ толкованіи какой угодно доктрины, среда, мысль которой свободно себя чувствуетъ въ ограниченномъ догмой кругѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ положеній, обязательно пасуетъ всякій разъ, когда ей надлежитъ за собственный страхъ разобраться въ категоріяхъ общественности, когда ей дается не готовый рецептъ на всѣ случаи жизни, а лишь методъ, при посредствѣ котораго она должна на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и своего собственнаго опыта, по личному разумѣнію, направлять остріе своего анализа.

Слишкомъ скуденъ ея опытъ и слишкомъ ничтожны наблюденія! Неудивительно, если ея жизненная выучка оказалась въ конецъ несостоятельной передъ тѣмъ испытаніемъ, которое поставило передъ ней матеріалистическое пониманіе исторіи. Интеллигентски-кружковой средѣ были впору соціологія Миртова, формула прогресса Михайловскаго, но отнюдь не то ученіе, которое родилось и окрѣпло въ привольѣ широкой борьбы, на просторѣ, гдѣ движутся массы и сплетаются пути мірового развитія.

На основѣ кружковой психологіи расцвѣталъ раціонализмъ всѣхъ ученій, за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихъ другъ друга въ обиходѣ россійской интеллигенціи, и на этой же основѣ интеллигентская оторванность находила свое идеологическое выраженіе въ постоянной тенденціи, въ свою очередь, отрывать идеи отъ почвы, на которой онѣ выросли, отъ среды, въ которой онѣ обращаются, и разбирать ихъ лишь въ порядкѣ абстрактной логичности или соотвѣтствія ранѣе принятымъ тезисамъ безъ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было исторической перспективы. Можно было уже a priori сказать, что изъ столкновенія интеллигентски-кружкового начала съ марксизмомъ получится своеобразная комбинація, въ которой кружковое начало, такъ сказать, раціонализируя Маркса, постарается занять возможно болѣе пространное мѣсто.

Теперь, post factum, съ насъ довольно двухъ примѣровъ, возстановляющихъ въ памяти забытыя или совершенно неизвѣстныя новому читателю публицистическія произведенія гг. Тулина и Влад. Ильина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.

4.

Среди тѣхъ положеній марксизма, которыя въ 90-хъ годахъ были у всѣхъ на устахъ, какъ кличъ въ борьбѣ противъ народничества, какъ необходимый идейный инвентарь, изъ котораго черпалъ обѣими руками каждый юный марксистъ того времени, однимъ изъ самыхъ громкихъ и видныхъ было положеніе о такъ называемыхъ „надстройкѣ“ и „базисѣ“, о зависимости „идеологій“ отъ того, что именуется „экономикой“. Дѣйствительно вскрыть классовую подоплеку, экономическую подкладку идейнаго теченія значило сдѣлать добрую половину работы, значило нанести самый чувствительный ударъ своему „идеологическому“ противнику. Естественно, что этимъ орудіемъ борьбы усердно пользовалась тогдашняя интеллигенція; понятно, что она должна была пытаться подвести соотвѣтственный „базисъ“ подъ народничество. И она его подводила, аргументируя на счетъ мелкобуржуазности народничества. Это было не ново. О мелкобуржуазныхъ элементахъ въ

народвическихъ взглядахъ говорила и прежняя литература соціалдемократіи; новъ былъ, однако, тотъ видъ, который принимала эта старая истина подъ перомъ кружковой публицистики, новъ былъ тотъ псевдо-реализмъ, съ которымъ она доходила—будто бы по Марксу—до экономическаго „корня“ явленія.

„Гуманность“ и „народолюбивость“ (народнической) теоріи — говорилъ г. Тулинъ [1]), была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя... Отношеніе народничества къ Западу и его вліянію на Россію опредѣлилось, конечно... условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ, и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи... Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства,—и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго“) производства“ (стр. 88).

Въ этихъ отрывкахъ, мысль которыхъ варьируетъ на протяженіи всей огромной брошюры-статьи, по внѣшности какъ будто бы все ортодоксально—до послѣдней точки на і. Устанавливается именно та связь между идеей и средой, которая такъ плохо давалась вообще кружковой интеллигенціи. Стоитъ, однако, припомнить, о чемъ идетъ рѣчь, чтобы тотчасъ же разсѣялся обманчивый миражъ, и выступило наружу то простое штемпелеваніе дѣйствительности взятымъ изъ книжки, на прокатъ, трафаретомъ, которое какъ нельзя болѣе характерно для аргументаціи кружковыхъ писателей. Иностранный читатель, который имѣлъ бы несчастье ознакомляться съ Россіей по Тулину, былъ бы, конечно, вправѣ сказать: очевидно, что русское общественное теченіе, которое извѣстно подъ именемъ народничества и о плеядѣ идеологовъ котораго я издавна такъ много наслышанъ, есть теченіе въ средѣ русскаго крестьянства, кустарей или ремесленниковъ, и было бы крайне важно узнать отъ г. Тулина что-нибудь болѣе опредѣленное, болѣе конкретное объ этомъ интересномъ явленіи въ жизни „мелкаго производителя“ Россіи.

---

[1]) См. Тулинъ. „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“, въ сборникѣ „Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія“ 1895 г.

Но мы-то, русскіе люди, мы знаемъ хорошо, что народническія теченіе и движеніе были характернѣйшимъ продуктомъ той „національной" категоріи революціонной Россіи, которая называется интеллигенціей и которая представляетъ изъ себя пестрый конгломератъ буржуазныхъ и отщепенски деклассированныхъ элементовъ. Непріятный „пассажъ", приключившійся съ Тулинымъ, приключился съ нимъ потому, что онъ обошелъ какъ разъ эту категорію и вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ проанализировать среду, которая была несомнѣнной носительницей настроеній и взглядовъ народничества, вмѣсто того, чтобы на ней показать, почему она должна была—при данной общественной конъюнктурѣ—проявить народническую мелкобуржуазность, онъ выбросилъ ее просто за бортъ своего разсмотрѣнія, чтобы обратиться—якобы по Марксу—къ тому „мелкому производителю", который въ этомъ случаѣ былъ лишь тѣмъ общимъ, мелкобуржуазнымъ жизненнымъ фономъ, на которомъ и разыгрывалась эволюція народнической интеллигенціи.

Но этотъ же „пассажъ" былъ въ то же время и провиденціальнымъ. Онъ наглядно показалъ, какъ шуточно легко—почеркомъ пера—совершается подмѣнъ одного общественнаго слоя другимъ. И если въ свое время было нетрудно проглотить интеллигенцію, чтобы на ея мѣсто посадить кустаря или крестьянина, то еще съ меньшими трудностями оказалось впослѣдствіи возможнымъ метаморфизировать тѣмъ же путемъ соціалдемократически-настроенную интеллигенцію въ соціалдемократическую пролетарскую партію.

Другой, не лишенный интереса, вопросъ, вокругъ котораго въ 90-хъ годахъ происходила полемика между марксистами и народниками, былъ пресловутый вопросъ о „наслѣдствѣ". Отказываются ли русскіе марксисты отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, какъ утверждалъ Михайловскій, или, наоборотъ, они болѣе вѣрны ихъ завѣтамъ, чѣмъ современные будто бы, „хранители"? Прежде, чѣмъ спорить, надлежало, разумѣется, договориться о томъ, что понимать подъ наслѣдствомъ; ту ли смѣсь изъ либерализма и народничества, о которой, обыкновенно, шла рѣчь въ литературѣ прогрессивнаго лагеря, или же общественное содержаніе взглядовъ

Добролюбова и Чернышевскаго, жизнеспособное до сихъ поръ, несмотря на устарѣлость своей идейной оболочки. Если первое— честь и мѣсто въ наслѣдствѣ народникамъ эпохи упадка, если второе—то, конечно, марксисты могли больше на него претендовать, чѣмъ вся народолюбивая братія.

Революціонное отщепенство по отношенію ко всему современному строю во имя идеи соціалистическаго переустройства общества—вотъ что связывало и должно было связывать молодое поколѣніе революціонныхъ марксистовъ съ великими тѣнями прошлаго. Но что же говорилъ по сему случаю марксизмъ интеллигентской кружковщины? Онъ растерялся передъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое казалось ему неразрѣшимымъ. Не умѣя оперировать съ идеями въ общественно-исторической перспективѣ, а лишь только раціоналистически-абстрактно, онъ не могъ переварить, напримѣръ, что Чернышевскій былъ сторонникомъ общины, что въ этомъ отношеніи онъ какъ будто подходитъ къ г. В. В. съ компаніей. И чтобы спасти положеніе, онъ въ лицѣ г. Ильина [1]) не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ открыть и оборудовать свое собственное „наслѣдство"—отъ буржуазнаго просвѣтительства.

Что это такое? О чемъ идетъ рѣчь. Не о мыслителяхъ же 18 вѣка, потому что при чемъ въ такомъ случаѣ эпоха 60-хъ годовъ? Или, быть можетъ, ненарокомъ, поминается Писаревъ?— Успокойтесь, читатель, дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе—какъ только о... нѣкоемъ Скалдинѣ!

Скалдинъ! Энгельсъ какъ-то говорилъ: Мы германскіе соціалдемократы можемъ гордиться тѣмъ, что происходимъ не только отъ С. Симона, Оуэна и Фурье, но и отъ Канта и Гегеля. Слѣдуя марксисту г. Ильину, россійская соціалдемократія могла бы поздравить себя съ неожиданнымъ предкомъ, съ достославнымъ родствомъ, съ „либерально-консервативной" ископаемой рѣдкостью, называемой Скалдинымъ. Кромѣ записныхъ библіографовъ, мало кому что-либо говоритъ имя этого писателя, незамѣтно и нетипично про-

---

[1]) См. „Экономическіе этюды и статьи" СПБ. 1899 г. „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся".

мелькнувшаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ переходный періодъ „Отечественныхъ Записокъ“; но бѣдный кружковой марксистъ облюбовалъ эту рѣдкость за нѣсколько буржуазно-либеральныхъ идеекъ, пріятно пѣвшихъ въ униссонъ его антинародническому сердцу, не подозрѣвая, конечно, что безвѣстный Скалдинъ былъ ни кто другой, какъ въ позднѣйшіе годы извѣстный хорошо на всю Россію авторъ проектовъ обузданія печати, реакціонный публицистъ по финляндскому вопросу, скверной памяти покойный Еленевъ.

Я не остановился бы на этомъ скандальномъ эпизодѣ изъ исторіи легальнаго марксизма, если бы онъ не характеризовалъ такъ поразительно отчетливо и ярко особенностей мышленія кружковой интеллигенціи. Г. Ильину, какъ истому представителю кружка, свободному отъ элементарнаго историческаго чутья-пониманія, не стоило сомнѣній и труда выхватить изъ статей случайнаго и чуждаго писателя группу идей, формально сходныхъ съ положеніями современныхъ марксистовъ, и на основѣ этого сходства приняться за конструированіе того невѣроподобнаго преемства, которымъ онъ такъ горделиво щеголялъ на посрамленіе своимъ народническимъ оппонентамъ.

Какъ и подобаетъ кружковому публицисту, онъ бралъ идеи внѣ среды, ихъ создавшей, внѣ той связи, которая только и сообщаетъ плоть и кровь безъ того безплотнымъ абстракціямъ. Онъ аргументировалъ, отмахнувшись отъ исторіи, какъ та первичная интеллигентская ячейка, изъ которой онъ пришелъ, и которая въ сущности живетъ—при всемъ радикализмѣ своихъ взглядовъ и несмотря на всю нелегальность своей практики—внѣ пространства и времени, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ понятій.

И что примѣчательно: въ результатѣ—о, иронія судьбы!—кружковой раціонализмъ омертвилъ-обезплодилъ кружковую отщепенскую нетерпимость: прочитайте, въ самомъ дѣлѣ, статью г. Ильина о „наслѣдствѣ“, если вамъ до сихъ поръ ее прочесть не удосужилось, и вы поймете, что нетерпимость кружка есть самое ненадежное предохранительное средство отъ возможныхъ соблазновъ политики, вы поймете, почему эта статья при своемъ появленіи на свѣтъ была встрѣчена сочувственно въ кругу рус-

скихъ берштеніанцевъ того времени, и почему впослѣдствіи непримиримый Ленинъ—о чемъ еще разговоръ впереди—могъ дѣлать свои благожелательные курбеты передъ фрондой предводителей россійскаго дворянства.

5.

Кружковая среда, какъ мы видѣли, раціонализируя Маркса, вносила элементы невольнаго sui generis „творчества" даже въ ту сферу мысли, гдѣ—можно было думать—она просто пойдетъ за учителемъ и гдѣ ей самой представлялось излишнимъ проявленіе оригинальности. Тѣмъ отчетливѣе выступала физіономія кружковой интеллигенціи тамъ, гдѣ у нея были свободнѣе руки, гдѣ надъ ней непосредственно не висѣло указки и гдѣ ей дѣйствительно приходилось самочинно „творить". Это — сфера практическаго дѣйствія и съ нимъ связанныхъ вопросовъ: какъ построить, сорганизовать дѣеспособный партійный коллективъ и какъ опредѣлить свое отношеніе къ той „внѣшней" средѣ, которая этотъ коллективъ окружаетъ. При рѣшеніи именно этихъ вопросовъ съ особенной силой долженъ былъ заявить о себѣ специфическій укладъ кружковой интеллигенціи, столь же мало отвѣчавшій политическимъ задачамъ соціалдемократіи, сколь мало отвѣчалъ и кружковой раціонализмъ теоретическому ученію Маркса...

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ интеллигенція себя помнитъ, а русская исторія ее знаетъ, ей неизмѣнно былъ присущъ дуализмъ—двоеначаліе особаго рода. Сама, отгороженная въ жизни стѣной кружковой отчужденности отъ всѣхъ прочихъ элементовъ ее окружающаго общественнаго строя, она и въ сознаніи своемъ, и во всей своей соціально-политической работѣ неизмѣнно ощущала и запечатлѣвала ту же самую раздвоенность. По сю сторону—она сама, интеллигенція, по другую—та часть „внѣшняго" „зарубежнаго" міра, во имя которой и ведется борьба, которой надо еще только завладѣть и которая есть въ то же время необходимая предпосылка ея конечной побѣды — народная масса.

Это—двѣ, одна съ другой не сливающіяся, но непремѣнныя поло-

вины единаго интеллигентскаго міровоззрѣнія, половины, взаимоотношеніе которыхъ и мѣняющаяся относительная роль и опредѣляли собою въ конечномъ счетѣ ту гамму настроеній, тоновъ, направленій, черезъ которую проходила—за десятилѣтія своего бытія — россійская кружковая интеллигенція. И въ соотвѣтствіи этому дуализму, двѣ постоянно чередующіяся ноты, два основныхъ лейтъмотива: я назвалъ бы эти мотивы народническимъ и народовольческимъ—въ память и честь ихъ наиболѣе классическаго выраженія; народническимъ и народовольческимъ, смотря по тому, которая изъ двухъ половинъ двуединаго цѣлаго заключается въ центрѣ вниманія, которая изъ нихъ поставлена на очередь дня развертывающимся ходомъ событій.

Теперь, когда у насъ за плечами весь безконечно-длинный мартирологъ интеллигентской исторіи, мы располагаемъ уже достаточными данными, чтобы установить что-то вродѣ закономѣрности этихъ смѣнъ; теперь мы уже въ правѣ и можемъ сказать, что каждый новый періодъ революціонно-интеллигентской активности начинался съ культа массъ и заканчивался культомъ ея собственнаго коллективнаго „я“.

Масса—въ своей потенціальной революціонности—была рычагомъ и одновременно той исходной точкою, отъ которой отправлялся каждый разъ кристаллизаціонный процессъ интеллигенціи. Только тогда, когда сознаніе интеллигенціи фиксировалось на массѣ и масса становилась героиней интеллигенціи, интеллигенція находила себя самое и разсѣянныя, атомизированныя части интеллигентскаго отщепенства стягивались другъ къ другу, мертвенный до того скелетъ облекался плотью, и духъ революціоннаго протеста водворялся тамъ, гдѣ прежде царила лишь тягота жизни. Идея массы формировала интеллигенцію, формирующаяся интеллигенція устремлялась въ народную массу.

Но хожденіе въ массу, въ народъ — разъ осуществленное — означало кардинальный переломъ въ интеллигентскомъ Sturm und Drang'ѣ. Оно значило конецъ его подготовительному, можно бы сказать, просвѣтительному фазису, когда распространеніе и образованіе идей являлось еще главнымъ моментомъ и типичнымъ выраженіемъ интеллигентской группировки, и наступленіе

того новаго, когда интеллигенціи надлежало уже прежде всего реализовать свои идеологическіе рессурсы въ огнѣ повседневныхъ столкновеній и на этомъ оселкѣ провѣрять свою общественную сущность.

Двѣ силы, два склада, качественно и количественно различныхъ, вступали въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, если не на практикѣ повседневной борьбы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ, на практикѣ взаимнаго политическаго общенія. Разумѣется, странное это было общеніе — въ условіяхъ полицейскаго государства, въ рамкахъ подполья. Слишкомъ кратковременное и дробное—по общему правилу, чтобы смести перегородки кружковой отчужденности и дать возможность интеллигентскому слою дѣйствительно „расплыться, утонуть“ въ массѣ народной, ставъ ея органической и лишь болѣе сознательной частью; но въ то же время и достаточное, чтобы въ корнѣ подорвать первоначальный, оптимистически-абстрактный, идеализмъ кружка и заложить основаніе перерожденію его идеологіи.

Перерожденію по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, въ сторону приноравленія идеологіи къ наличному сознанію массы, приноравленія вульгарнаго, при которомъ связь между отдѣльными дѣйствіями и основнымъ исходнымъ регуляторомъ все больше порывалась и идейное объединяющее цѣлое все больше утрачивало реальность, становясь „разсыпанной храминой“, и съ другой—въ сторону гипертрофіи служебныхъ элементовъ движенія и фетишизированія отдѣльныхъ ли пріемовъ борьбы (напр., террора) или партійно-группового аппарата вообще (напр., вавилонской башни нашего организаціоннаго строительства).

Эти двѣ, на первый взглядъ, діаметрально противоположныя эволюціи, одна—чреватая оппортунизмомъ въ формѣ умѣренной постепеновщины, другая — блистающая всѣми красками революціонизма, обязаны, однако, своимъ происхожденіемъ одному и тому же источнику, той отличительной чертѣ кружковой интеллигенціи, къ которой мы уже раньше подходили, отмѣчая, что для политической инціативы этого общественнаго слоя, для его

групповой концентраціи, требовалось всякій разъ одно предварительное условіе: чтобы въ его коллективное сознаніе проникла— подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ историческихъ причинъ— идея освободительницы массы. Другими словами: индивидуально-пассивное отщепенство разрозненныхъ представителей этого слоя становилось коллективнымъ и дѣйственнымъ не въ результатѣ самостоятельнаго самоопредѣленія этого слоя, не какъ конечное звено въ процессѣ борьбы и отстаиванія имъ своей общественной личности, а какъ своего рода рефлексъ-рикошетъ измѣненій, протекавшихъ за предѣлами его демаркаціонной линіи, въ средѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ прочихъ элементовъ общественности.

Вотъ съ этой то чертой отраженности интеллигентскаго слоя, давно извѣстной и отмѣченной подъ видомъ его импрессіонистской неустойчивости, и стоитъ въ непосредственной связи основное и отличительное свойство его отщепенства, имѣющее для насъ центральное значеніе. Я говорю о неспособности этого отщепенства служить достаточно прочной основой для соціализма интеллигенціи; объ отсутствіи въ немъ тѣхъ „имманентныхъ“ внутреннихъ силъ, которыя въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія также порождали бы соотвѣтственныя, отвергающія современный порядокъ вещей, построенія, какъ классовая борьба пролетаріата неизмѣнно создавала и создаетъ „коммунистическія“ ученія. Если пролетарское отщепенство (т. е. пролетарское отрицаніе основъ современности) слито съ основной антиноміей современнаго общества,—съ борьбой труда съ капиталомъ, то отщепенство революціонной интеллигенціи—при всей своей видимой универсальности—живетъ и питается преимущественно за счетъ процесса раскрѣпощенія Россіи; здѣсь, въ этой области, у него есть свой постоянный механизмъ воспроизводства расходуемаго настроенія, здѣсь у него есть и та плоскость повседневнаго касанія, которой у него нѣтъ въ такъ называемомъ соціальномъ вопросѣ.

Вторичнымъ, производнымъ характеромъ своего соціализма, отщепенская разновидность интеллигенціи—эта завѣдомая категорія дореволюціоннаго общества,—какъ это ни покажется

страннымъ, напоминаетъ ту современную мелкую буржуазію Запада, которая, при иныхъ, конечно, общественно-историческихъ предпосылкахъ, въ эпоху надвигающагося крушенія капитализма, капитулируетъ en masse передъ соціалистическимъ движеніемъ. Вѣдь, и эта мелкая буржуазія, чтобы сдѣлаться соціалистической, должна—какъ обыкновенно говорятъ—стать на точку зрѣнія революціоннаго пролетаріата. Однако, этимъ въ существѣ и ограничивается данное сходство; пролетаризируясь и становясь отраженно-соціалистической, западно-европейская мелкая буржуазія получала возможность и была вынуждаема прислоняться къ развитому пролетарскому движенію съ болѣе или менѣе оформленной идеологіей; русская же интеллигенція, наоборотъ, стояла до сихъ поръ, десятилѣтія напролетъ, передъ „чаемымъ и ожидаемымъ, какъ бы настоящимъ“; въ семидесятыхъ годахъ—передъ фантомомъ грядущей крестьянской революціи, передъ той фатаморганой, которая слагалась въ ея головѣ подъ впечатлѣніемъ „освободительной“ эпохи и сопровождавшей ее ломки общественныхъ отношеній; четверть же вѣка спустя, въ наше время, передъ богатымъ задатками движеніемъ рабочаго класса, полнымъ силъ и красоты, и, однако, безсильнымъ—въ обстановкѣ подполья—сорганизоваться настолько, чтобы, организуясь, накладывать необходимую печать на тѣ образованія интеллигенціи, которыя формировались во имя и отъ имени его, но, разъ сформировавшись, принимались жить своей собственной—интеллигентски-кружковой жизнью.

Спрашивается, что же получалось изъ данной комбинаціи: отщепенства, свои главные стимулы черпавшаго изъ механики самодержавно-полицейскаго строя, „производнаго“ соціализма, подпольнаго, а потому уродливаго и слабаго, контакта интеллигенціи съ массами и, наконецъ, сведеннаго почти на нѣтъ процесса организаціи массы въ томъ даже лучшемъ случаѣ, когда массовое движеніе вообще являло собою (какъ это было съ движеніемъ пролетаріата) самую несомнѣнную и чрезвычайно внушительную реальность?

Получался, какъ неизбѣжный отсюда выводъ,—процессъ перерожденія идеологіи интеллигенціи—вывѣтриванія

ея „соціализма“ по тѣмъ двумъ направленіямъ, о которыхъ я выше говорилъ. И регрессивный метаморфозъ культа массъ былъ первоначальной стадіей этого процесса. Еще нѣкоторое время масса оставалась той альфой и омегой интеллигенціи, къ которой сходились всѣ практическія дѣйствія ея и всѣ ея теоретическія помышленія. Но „идеальная“ масса все больше уступала мѣсто массѣ „реальной“; масса обобщенная, представляющая конечную цѣль и совокупность интересовъ движенія— массѣ наличнаго момента и его ограниченной безсознательности.

Слабосильный и сознающій свое слабосиліе общественный слой не былъ въ состояніи претворять преходящее, координировать частное съ общимъ, практицизмъ съ принципіальностью и отдавался на волю впечатлѣніямъ дня, готовый возвести едва ли не въ принципъ эту свою утилитарно-рефлекторную безпринципность. Но чѣмъ дальше развертывался процессъ, тѣмъ рѣзче обнаруживался конфликтъ между нимъ и интеллигентскимъ отщепенствомъ, тѣмъ быстрѣе созрѣвалъ разрывъ между тенденціей сблизиться съ массой, расплыться, утонуть въ этой массѣ, хотя бы цѣной пригнетенія своихъ взглядовъ до уровня массы, и своей практики до уровня даннаго политическаго склада, и элементарнымъ революціонизмомъ интеллигенціи, своимъ остріемъ обращеннымъ противъ этого склада. И тѣмъ успѣшнѣе шла—въ атмосферѣ назрѣвающаго разрыва, какъ растущая антитеза вырождающемуся „культу“, эмансипація отъ него нѣкоторой части изъ тѣхъ, кто ранѣе тѣмъ же культомъ былъ втянутъ, вдвинутъ въ борьбу. Культъ становился декораціей и въ сознаніи интеллигенціи все больше выступала, въ своемъ качествѣ титана-освободителя, ея же собственная коллективность,—свидѣтельствуя о томъ, что и въ жизни, а не только въ сознаніи, ей—коллективности—приходилось принимать на себя роль, которая—по исходной концепціи—лежала на пробуждающейся массѣ.

6.

Но надо помнить, конечно, что картина, набросанная мною, есть лишь общая схема тѣхъ активныхъ періодовъ въ жизни рус-

ской интеллигенціи, конкретное содержаніе которыхъ давалось исторіей и варьировало въ зависимости отъ различій общественно-историческихъ коньюнктуръ. Такъ, безъ сомнѣнія, глубоко различны тѣ основные два періода, въ которыхъ кульминируетъ, въ которыхъ наилучше воплотилась до сихъ поръ жизнедѣятельность кружковой интеллигенціи: періодъ, ведущій свое начало отъ 60-хъ годовъ и теряющійся въ 80-хъ, и періодъ послѣдняго десятилѣтія, завершающій свой циклъ въ настоящее время. Различны эпохи, въ корнѣ различна среда, подлежащая воздѣйствію, и, сообразно сему, до основанія несходны соотвѣтственныя суммы идей, которыми въ каждую изъ эпохъ манипулировала интеллигенціи. Семидесятые годы были послѣсловіемъ къ освобожденію крестьянъ, имѣли мужика героемъ интеллигенціи, крестьянофильскій соціализмъ—ея знаменемъ и проходили въ обстановкѣ осѣданія буржуазно-дворянскаго общества, приспособлявшагося на своихъ пореформенныхъ позиціяхъ. Поэтому и была такъ эфемерна тогдашняя буржуазно-дворянская „оппозиція“ и такъ расплывчато-шатко самое содержаніе либерализма. Но совершенно иное представляло собою марксистское десятилѣтіе—наиболѣе яркая страница изъ предисловія къ великой русской буржуазной революціи. Въ его основаніи лежало взаимоотношеніе между интеллигенціей, оправлявшейся отъ лихолѣтья подъ дѣйствіемъ пробужденія городскихъ рабочихъ массъ, и этими самыми массами, элементарной силой своего пробужденія открывавшими эру самаго напряженнаго подбора и оппозиціонно-революціонной консолидаціи разнообразнѣйшихъ общественныхъ силъ. И красною нитью черезъ все десятилѣтіе обозначался процессъ революціонизированія буржуазно-демократической Россіи.

Очевидно, что въ каждую изъ этихъ двухъ эпохъ наша схема должна была принимать чрезвычайно индивидуальныя очертанія; то, что въ одномъ случаѣ получало пространное развитіе, въ другомъ—было болѣе преходяще и скомкано, и, наоборотъ, аналогичные соціально-психологическіе моменты повторялись, въ своемъ повторномъ сочетаніи создавая новизну, которая на дѣлѣ была лишь подновленной стариной.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на обиліе тѣхъ формъ, въ которыхъ протекалъ въ 70-хъ годахъ регрессивный метаморфозъ интеллигентскаго культа крестьянства, на безконечный, пройденный имъ путь отъ первоначальныхъ наивныхъ попытокъ пересажденія „просвѣтительной" идеологіи интеллигенціи въ народную массу, черезъ періодъ бунтарства съ его революціонизмомъ, причудливо сплетавшимся съ тягою къ приспособленію, проявленіемъ которой, только болѣе уродливымъ и яркимъ, была Чигиринская царская грамота, и до того рокового предѣла, когда революціонное народничество исчезло, наконецъ, не въ волнахъ сермяжнаго моря, какъ это предполагалось вначалѣ, а въ мутной водѣ буржуазно-демократическаго культуртрегерства. И сравните этотъ затяжный упадочный процессъ, такъ гармонировавшій съ постепенно затихавшей общей „мертвой зыбью", которая катилась отъ толчка 60 годовъ и замирала, несмотря на перекрестное вліяніе кратковременнаго подъема, имѣвшаго свой центръ въ революціонной энергіи интеллигентскаго единоборства съ царизмомъ, сравните его съ тѣмъ короткимъ и обрывистымъ процессомъ, въ который— въ 90 годы—отлилось приспособленіе интеллигенціи къ пролетарской отсталости.

Въ недолгій срокъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ лѣтъ „экономизмъ" исчерпалъ и пережилъ себя. Уже самый апогей его развитія, когда господствовала „Рабочая Мысль" и интеллигентъ занимался—въ теоріи—самоуничтоженіемъ, приходился на канунъ, частью даже на самый моментъ начинавшагося и непрестанно затѣмъ нароставшаго возбужденія широкихъ круговъ интеллигенціи, какъ буржуазно-демократической, такъ и кружковой-отщепенской.

Разнороднѣйшіе слои интеллигенціи, казалось бы, герметически другъ отъ друга обособленные, переживали, какъ результатъ воздѣйствія на нихъ пролетарскаго движенія, въ существѣ одинъ и тотъ же процессъ формированія интеллигентски-группового, рѣзко выраженнаго самосознанія. Этотъ-то процессъ и переломъ, его сопровождавшій, отъ умѣренной трезвенности, какъ наслѣдья эпохи реакціи, къ болѣе рѣшительнымъ мотивамъ послѣдующихъ лѣтъ, и покончилъ въ самое короткое время съ нашимъ

понятнымъ развитіемъ. Оно оборвалось, не имѣя силы дойти до своего логическаго конца, предупредительно для него намѣчавшагося мудрецами пресловутаго буржуазно-демократическаго „Credo“. И само „credo“ сыграло, развѣ, роль—„адвоката-дьявола“, нагляднаго показателя того, чего отщепенской интеллигенціи не полагается думать и дѣлать.

Чистый экономизмъ былъ уже анахронизмомъ въ то время, когда по немъ производилась пальба изъ всѣхъ орудій соціалдемократической артиллеріи. Правда, нѣкоторое время еще сохранялись ублюдочныя формы, такіе пережитки его, какъ, напримѣръ, рабочедѣльческая „теорія стадій“, но это были только отзвуки прошлаго, такіе же слабые и робкіе, какими были одновременныя попытки бернштейніанской демократіи повліять на отщепенскую интеллигенцію. Недаромъ же философія филистерства оказалась не ко двору надвигавшейся бурной эпохѣ и вскорѣ превратилась, въ обстановкѣ того переходнаго времени, какъ я замѣтилъ когда-то, въ своего рода, „секретную болѣзнь“ межеумочной интеллигенціи.

Но зато тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе должна была себя проявить реакція противъ экономизма, тѣмъ стремительнѣе дать себя почувствовать—реваншъ интеллигентскаго отщепенства и интеллигентскаго проснувшагося самосознанія. И если регрессивный метаморфозъ культа массъ—въ соціалдемократическій періодъ жизни русской интеллигенціи—укороченный, куцый, носилъ какой-то почвенный полустихійный характеръ, лишенный какой-либо разработанной догмы (не считать же таковой тѣ обрывки идей, которыя всплывали на страницахъ „Рабочей Мысли“), таящійся въ подпольѣ подполья (вспомните „Vademecum“ и тщетные поиски Плеханова за печатнымъ „экономическимъ“ словомъ), то въ полную ему противоположность соціалдемократическій культъ интеллигентской групповой коллективности дебютировалъ смѣло, съ высокомѣрно приподнятой головой, въ аммуниціи quasi-ортодоксальности, съ готовымъ кодексомъ правилъ едва ли не на всѣ случаи жизни. Идеологическія формы его, однако, естественно и необходимо отличались въ основѣ отъ тѣхъ, въ которыя облекался его народовольческій предшественникъ. Не говоря уже о томъ, что народовольчество примыкало къ циклу крестьянофильскихъ идей (и

въ принципѣ ухитрялось сохранять предпосылки народничества), а приходившая къ групповому сознанію интеллигенція 90 годовъ черпала обѣими руками изъ идейной сокровищницы международной соціалдемократіи. Кардинальное отличіе этихъ двухъ аналогичныхъ процессовъ было то, что въ семидесятые годы реакція противъ народническаго культа крестьянства выростала въ атмосферѣ героическаго отчаянія и практическаго отказа отъ пассивнаго, инертнаго народа, между тѣмъ, какъ новѣйшій конфликтъ интеллигентски-группового коллективнаго „я" съ культомъ массы разыгрывался на фонѣ, казалось бы, ему не соотвѣтствующемъ, на фонѣ идущаго непрестанно впередъ пролетарскаго движенія.

И, тѣмъ не менѣе, конфликтъ былъ не менѣе глубокъ, чѣмъ и прежде; онъ только труднѣе поддавался учету, осложненный, замаскированный, потерявшій былую простоту. И онъ вспыхнулъ, какъ только интеллигенція стала дѣлать систематическія попытки перейти къ общепартійному строительству. Именно, конецъ 90-хъ годовъ и начало слѣдующаго за ними десятилѣтія и были этой критической эпохой. Марксистская эпопея „просвѣтительства" подходила къ концу, на очередь все болѣе выдвигались вопросы практическаго дѣйствія, прежнее же обслуживаніе интеллигенціей профессіональнаго рабочаго движенія, гдѣ каждая интеллигентская группа, съ грѣхомъ пополамъ, не мудрствуя лукаво и не задаваясь широкими цѣлями, вершила въ своемъ мѣстномъ мурьѣ незамѣтную сѣрую работу,—ощущалось все сильнѣе, какъ разительное несоотвѣтствіе, какъ неудовлетвореніе той потенціальной революціонной энергіи, которая накоплялась годами въ нѣдрахъ приходившей въ броженіе интеллигенціи и искала себѣ достойнаго выхода.

Могъ ли его дать пролетаріатъ и чѣмъ была для интеллигенціи стихія пролетарскаго движенія? Несомнѣнно, полемъ необъятныхъ размѣровъ для приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціоннаго воздѣйствія, но только отнюдь не той формующейся массой, изъ которой бы непосредственно выростало, путемъ естественнаго подбора, живое и организованное тѣло соціалдемократической партіи. Нельзя сказать, чтобы ощу-

щеніе этого рокового противорѣчія совершенно отсутствовало въ рядахъ кружковой интеллигенціи. Напротивъ того, объ это противорѣчіе, имѣвшее свои подлинные корни не въ однѣхъ только особенностяхъ кружкового обихода интеллигенціи, а и во всемъ укладѣ русской проклятой дѣйствительности, и споткнулся злополучный „экономизмъ". Изъ эмпирически наблюденнаго имъ факта, что коэффиціенты распространенія сознанія въ массахъ и въ интеллигенціи величины несоизмѣримыя другъ съ другомъ, что путь проникновенія идей въ массы совершенно другой и осуществляется при условіяхъ радикально отличныхъ, чѣмъ движеніе идей въ кругахъ интеллигенціи, онъ сдѣлалъ рядъ невѣрныхъ и никчемныхъ заключеній,—но въ одномъ онъ былъ правъ: при существовавшихъ тогда предпосылкахъ соціалдемократическая рабочая партія была невозможна.

Мнѣ памятно до сихъ поръ то глухое недовольство, которое возбудилъ въ свое время первый съѣздъ россійской соціалдемократіи (98 г.), какъ скороспѣлая попытка интеллигенціи создать маргариновую партію. Но это же антипартійное настроеніе экономизма было и ускореніемъ его гибели въ условіяхъ момента, потому что растущее самосознаніе интеллигенціи отливалось какъ разъ въ эту форму партійности, и директива, продиктованная положеніемъ интеллигенціи, гласила: не выдѣленіе интеллигенціи въ изолированныя отъ массъ террористическія группы, какъ это дѣлали когда-то народовольцы, а созданіе всероссійскаго группового аппарата для руководительства массой. Групповое интеллигентское „я" на пьедесталѣ изъ пролетарскаго движенія!

Такъ родился тотъ культъ профессіональнаго революціонера, который былъ краеугольнымъ камнемъ всего послѣдующаго строительства интеллигенціи и который имѣлъ свое евангеліе въ брошюрѣ „Что дѣлать", и своего пророка,—въ Н. Ленинѣ.

7.

Даже и теперь, въ великіе дни всероссійской революціи, а тѣмъ болѣе такъ было въ 90-ые годы, мысли профессіональнаго

революціонера, мы невольно себѣ чертимъ обаятельные образы Перовской, Желябова, Александра Михайлова и иныхъ изъ того же орлинаго гнѣзда семидесятниковъ; ихъ энергія вызывала удивленіе даже у враговъ, ихъ самоотверженное искусство борьбы до сихъ поръ зоветъ на подражаніе. И понятно, что кружковая интеллигенція послѣдняго десятилѣтія, выходя ихъ тупика экономизма и ощутивъ въ груди своей приливъ революціоннаго чувства, представляла себѣ свою собственную среду преображенной въ идеалѣ, сообразно величавымъ образцамъ предыдущаго активнаго періода интеллигентской исторіи. Поэтому, когда она строила для намѣчавшагося тогда „возрожденія революціонизма“ свою „формулу прогресса“, она рисовала не кого-либо другого, какъ именно—человѣка семидесятыхъ годовъ, но расквитавшагося съ прежней трухой крестьянофильства, и организацію профессіональныхъ революціонеровъ на старый манеръ, но только—опирающуюся на поступательный ходъ пролетарскаго движенія и, вмѣсто приготовленія бомбъ, ведущую политическую агитацію. И когда она обращалась къ неудавшемуся, но героическому прошлому, то это ея обращеніе было не простой формальностью обычнаго почтенія младшаго поколѣнія борцовъ къ сошедшему со сцены; нѣтъ, оно было полно самаго современнаго, самаго актуальнаго значенія, являясь одной изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе необходимая ей, по условіямъ момента, ея собственная кружковая идеализація.

„Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ“—землевольческая—„намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ“, писалъ Ленинъ въ „Что дѣлать“ (стр. 103). Но и въ боевой революціонной организаціи народовольцевъ „нелѣпо“ было бы видѣть что-либо „специфически народовольческое“, ибо „всякое революціонное направленіе... не можетъ обойтись безъ такой организаціи“.... „Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи всѣхъ недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Ошибка... ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли или не могли

неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества".

И въ другомъ мѣстѣ (стр. 80): „Кружку „кустарей", конечно, недоступны политическія задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились отъ него... Но кружку корифеевъ, вродѣ Алексѣева, Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно-пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса".

„Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно-революціонной теоріей, опираясь на истинно-революціонный и стихійно-пробуждающійся классъ, можетъ, наконецъ... выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы" (стр. 81).

И въ заключеніе: „я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно, до боли, страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ, когда можно было бы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, сказать: дайте намъ организацію революціонеровъ—и мы перевернемъ Россію!" (стр. 96).

Несомнѣнно, въ тѣ первые годы, когда кружковая интеллигенція начинала свою мобилизацію, осѣненная новой, марксистской вѣрой, эти признанія встрѣтили бы одно сплошное недоумѣніе, если бы они вообще были возможны; сдѣланныя же въ началѣ 1900-хъ годовъ, они фигурировали уже не въ качествѣ случайной отсебятины, а какъ знаменательный симптомъ перемѣнъ, за истекшее время происшедшихъ въ сознаніи кружковой интеллигенціи. Въ половинѣ 90-хъ годовъ взоры интеллигенціи безраздѣльно приковывалъ къ себѣ пролетаріатъ и, соотвѣтственно сему, интеллигенція, сражаясь за марксизмъ, искала отвѣтовъ въ западно-европейскомъ рабочемъ движеніи. Не то было теперь. Разумѣется, пролетаріатъ оставался величиной огромной и многозначительной, которая принималась въ разсчетъ, и безъ учета которой невозможно

было рѣшить ни одного политическаго уравненія. Но онъ представлялся въ то же время и той „постоянной“ и, пожалуй, застывшей цыфрой (пролетарская стихія!), отъ которой ни мало не зависитъ—разъ она уже дана и неизмѣнна—конечное рѣшеніе уравненія, это производное отъ деликатной и капризной „перемѣнной“, которая, постоянно мѣняясь, сама подлежитъ воздѣйствію и называется организаціей профессіональныхъ революціонеровъ. И соотвѣтственно этому перемѣщенію психологическаго центра, особый интересъ пріобрѣтала исторія революціоннаго движенія интеллигенціи, а ученіе Маркса подлежало новой „обработкѣ“, болѣе серьезно и, уже во всякомъ случаѣ, болѣе сознательно - производимой, чѣмъ та, которая возможна была въ предшествующій, по преимуществу просвѣтительный періодъ русскаго кружкового марксизма.

Въ лицѣ своего кровнаго дѣтища—революціонера по профессіи—кружковая интеллигенція стала въ своихъ собственныхъ глазахъ рѣшающей инстанціей,—въ этомъ заключался весь смыслъ перемѣнъ, объ этомъ ведутъ отчетливую рѣчь уже приведенныя цитаты, объ этомъ еще лучше говоритъ вообще все отношеніе кружковой интеллигенціи къ тогдашнему кризису соціалдемократіи.

Въ самомъ дѣлѣ, корень бѣдъ, вѣдь, въ томъ, что кружковая интеллигенція не выдвинула, пока что, „корифеевъ“, подобныхъ „Алексѣеву и Мышкину, Халтурину и Желябову“,—„въ отсталости руководителей („идеологовъ“, революціонеровъ, соціалдемократовъ) отъ стихійнаго подъема массъ“ (стр. 80),—„весь кризисъ русской соціалдемократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно-пробужденныхъ массъ не оказывается налицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей“ (стр. 92)—повторяется на всемъ безконечномъ протяженіи ленинскаго credo интеллигенціи. И тутъ же соотвѣтственный рецептъ: чтобы „революціонеръ могъ выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (см. выше), „нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое поползновеніе принизить наши политическія задачи и размахъ нашей организаціонной работы встрѣчало насмѣшку и презрѣніе“ (стр. 81).

„Вы хвастаетесь своей практичностью,—обращался Ленинъ къ экономистамъ,—а не видите того, знакомаго всякому русскому практику, факта, какія чудеса способна творить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности“ (стр. 81).

И отъ первой и до послѣдней страницы „Что дѣлать“ (отдадимъ должное цѣльности сего произведенія) свистятъ „скорпіоны“, которыми его авторъ награждалъ своихъ „хвостистовъ“-противниковъ. Но чѣмъ сильнѣе онъ ихъ бичевалъ, и его руками какъ бы сама заушала себя кружковая интеллигенція, тѣмъ шире, о чудо! развертывались ея горизонты и окрылялись надежды. Если остановка дѣйствительно только за этимъ, если людямъ кружковъ остается только пустить въ оборотъ весь запасъ своей энергіи, увеличивая размахъ свой и пытаясь расширить свои политическія задачи, если „царство“ революціи „внутри васъ“ интеллигенція,— то естественно охваченной революціонизмомъ средѣ кружковщины предстоявшій ей путь сквозь всѣ терніи полицейскаго гнета долженъ былъ представляться ведущимъ непосредственно къ цѣли, въ зависимости отъ ея революціоннаго умѣнья (умѣнье же вещь наживная [1]), и независимо отъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые за то же время могутъ и должны протекать въ средѣ пробуждающагося рабочаго класса.

Вопросъ о будущности русской соціалдемократіи eo ipso сводился къ тому, окажется ли интеллигенція способной къ развитію, найдется ли въ ней достаточно силъ образовать ту „крѣпкую организацію“ революціонеровъ по профессіи, которая бы „воспитывала пролетаріатъ стойкой и упорной борьбой“ (стр. 79). Та-

[1]) Неподготовленность... большинства революціонеровъ, будучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенныхъ опасеній возбуждать не могла—писалъ Ленинъ (стр. 22). „Разъ постановка задачъ была правильная, разъ была энергія на повторныя попытки осуществить эти задачи, временныя неудачи представляли изъ себя только полъ бѣды. Революціонная опытность и организаторская ловкость—вещи наживныя. Была бы только охота вырабатывать въ себѣ требуемыя качества! Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ революціонномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ половинѣ исправленія“.

кимъ образомъ, революціонеръ превращался въ деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, несмотря на все почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положеніи объекта, первосортнаго матеріала, внѣ рядовъ подлинныхъ творцовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять послѣднія возможныя сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи происшедшій переломъ во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы особенно подчеркнуть радикализмъ перелома, кружковая интеллигенція выступила ни болѣе, ни менѣе, какъ съ тезисомъ—„борьбы со стихійностью".

„Стихійное развитіе рабочаго движенія",—говоритъ Ленинъ, „идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи.... ибо стихійное рабочее движеніе — есть трэдъ-юніонизмъ..., а трэдъ-юніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей" (стр. 28). Кто же въ такомъ случаѣ являлся въ заманчивой роли спасителя пролетаріата, „совлекающаго" его со „стихійнаго стремленія" усѣсться „подъ крылышкомъ буржуазіи"?—„Сознательность" соціалдемократіи, т. е., говоря конкретно и примѣнительно къ Россіи—кружковая интеллигенція.

Нелишне будетъ, кстати, отмѣтить, что Каутскій, на авторитетѣ котораго Ленинъ построилъ свою „борьбу со стихійностью", говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣлъ, конечно, въ виду не цѣлую общественную категорію интеллигенціи и не движеніе ея, воплощающее ея собственную стихію, а лишь „отдѣльныхъ членовъ" того слоя, который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ явиться „носителемъ науки" и выходцы изъ котораго были создателями (Энгельсъ и Марксъ) и піонерами научно-соціалистическаго ученія. Русская же кружковая среда, съ Ленинымъ во главѣ, не только не поняла этого, казалось бы, очевиднаго различія, но, наоборотъ, поспѣшила сконструировать себя, какъ живое—въ профессіональномъ революціонерѣ — олицетвореніе „сознательности", у которой нѣтъ ахиллесовой пяты „стихійности", нѣтъ той „линіи наименьшаго сопротивленія" (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности, съ которой надо постоянно „совлекать" злополучное движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, получался своеобразный итогъ: русская интеллигенція, точнѣе—ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая одно лишь пустое мѣсто въ концепціи отечественнаго марксизма, оказывалась вдругъ представительницей борьбы съ пролетарской стихійностью. И съ этой представительницы не требовалось предъявленій какихъ-либо доказательствъ пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ, во-первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной, во-вторыхъ, чтобы—выражаясь языкомъ Ленина—„отдать" въ ея „распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса" (стр. 34).

8.

Это была, поистинѣ, грандіозно-утопическая претензія!

Но именно ею объясняется, что на вопросъ—„съ чего начать?" кружковая интеллигенція, ничто же сумняся, отвѣчала: начать „съ прочной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ", ибо только при помощи ея „мы сможемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціалдемократическія и собственно трэдъ-юніонистскія цѣли" (стр. 91).

„Общерусская централизованная организація, объединяющая въ одномъ общемъ натискѣ всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи, протесты и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями всего народа" (стр. 75).

Тутъ невольно, однако, подымается вопросъ: какимъ образомъ могла кружковая интеллигенція—хотя бы на одно мгновеніе—совмѣстить въ своей головѣ профессіонально-революціонный коллективъ съ своими какъ ни какъ марксистскими традиціями? однимъ духомъ: „идея рабочаго сословія" и апоѳеозъ интеллигенціи!

Правда, революціонеръ по профессіи не состоялъ—въ теоріи—обязательно приписаннымъ къ цеху кружковой интеллигенціи: „передъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи", т. е. спеціализаціей ихъ на революціонной работѣ, „должно совершенно

стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ“ (стр. 85), неоднократно подчеркивалъ Ленинъ. Но такъ только мечталось, иначе обстояло дѣло въ дѣйствительности, и это знала лучше всѣхъ сама кружковая интеллигенція: профессіональныхъ революціонеровъ было мало вообще, профессіональныхъ революціонеровъ изъ рабочихъ въ то время (въ началѣ 1900-хъ годовъ) все равно что и совсѣмъ не имѣлось, такъ что интеллигенція, даже и поставивъ себѣ своей главной задачей „поднятіе рабочихъ до революціонеровъ“ (стр. 100), могла, пожалуй, утѣшать себя иллюзіей, что эти „профессіональные революціонеры будутъ выдѣляться толпой все въ большемъ числѣ“ (стр. 95, см. также стр. 83, 84), но не могла игнорировать своего же собственнаго и весьма существеннаго соображенія, что „необходимо годами вырабатывать изъ себя профессіональнаго революціонера“ (стр. 95), и, значитъ, что сейчасъ проектированному профессіонально-революціонному коллективу пришлось бы во всякомъ случаѣ начинать свою историческую миссію съ тѣми наличными силами и средствами, которыя въ состояніи была отдать въ его распоряженіе лишь одна среда кружковой интеллигенціи.

Какъ же разрѣшалось это, казалось бы, кричащее противорѣчіе? Оно разрѣшалось при посредствѣ того специфическаго мышленія, которое одно только процвѣтаетъ въ атмосферѣ подполья, въ тѣсныхъ рамкахъ кружка; при посредствѣ того раціонализма, который—какъ мы видѣли—исподволь пропитывалъ собой русскій легальный марксизмъ, точно такъ же, какъ легальный марксизмъ пропитывалъ собой кружковую интеллигенцію. И именно, раціонализмъ далъ части кружковой интеллигенціи, ближе всего стоявшей къ движенію городскихъ рабочихъ массъ и связанной съ нимъ хотя и несовершенными, но все же нѣкоторыми связями, возможность удержаться въ предѣлахъ дѣйствія марксистской идеологіи въ то время, когда подъ вліяніемъ начавшагося процесса самоопредѣленія интеллигенціи и „возрожденія“ ея „революціонизма“ происходило уже повальное бѣгство ея отъ ученія революціоннаго пролетаріата.

„Общерусская централизованная организація“ профессіональныхъ революціонеровъ! Но гдѣ гарантія того, что сей продуктъ

консолидаціи кружковой интеллигенціи въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ будетъ совпадать съ пролетарскимъ движеніемъ въ его цѣломъ, что онъ окажется способнымъ взять на себя роль, которую выполняютъ на Западѣ передовые пролетарскіе отряды, носящіе названіе соціалдемократическихъ рабочихъ партій? Съ точки зрѣнія марксистской вопросъ представлялъ своего рода квадратуру круга—при данномъ направленіи движенія, но онъ рѣшался крайне просто раціоналистическими пріемами кружковой интеллигенціи.

Правильная теорія — вотъ камень, на которомъ интеллигенція можетъ спокойно возводить свои организаціонныя постройки. Вспомнимъ, напр., что ошибка народовольцевъ—по Ленину—была въ томъ, что они слѣдовали ложной теоріи и что въ настоящее время русскій революціонеръ можетъ „развернуть свои богатырскія силы“ потому, что опирается „на стихійно пробуждающійся“ и „истинно-революціонный классъ“ (см. выше) и что онъ „руководимъ истинно-революціонной теоріей“. Но въ устахъ кружковщины того времени опираться на пролетаріатъ означало не иное что, какъ имѣть въ немъ превосходный инструментъ, на которомъ можно разыграть свою героическую симфонію. Инструментъ и только, потому что стихія пролетарскаго, движенія, т. е. самый механизмъ пролетарской классовой борьбы, ведетъ рабочій классъ къ одному лишь подчиненію буржуазности [1]). Такимъ образомъ, въ качествѣ единственно надежнаго перваго и послѣдняго устоя революціонно-интеллигентскаго зодчества, остается—теорія, единоспасающая и всенаправляющая, въ своей крѣпкой рукѣ держащая бразды профессіонально-рево-

---

[1]) См. также стр. 103: „И только самое грубое непониманіе марксизма... могло породить мнѣніе, что возникновеніе массового „стихійнаго“ рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у народовольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и не сдѣлается настоящей классовой борьбой его до тѣхъ поръ, пока эта борьба не будетъ руководиться крѣпкой организаціей революціонеровъ“.

люціоннаго правленія и силою своей логической правоты цементирующая самые разнородные, самые разносоставные элементы.

„При такой (т. е. централизованной и въ то же время съ идущимъ далеко раздѣленіемъ труда. А. П.) организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціалдемократическимъ органомъ, нечего будетъ бояться того,—говорится въ „Что дѣлать“ (стр. 99), что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему, „сторонніе элементы“.

Оказывается, „твердый теоретическій базисъ“, находящій свое выраженіе въ „органѣ“, обладаетъ чудодѣйственными свойствами— не только предохранять организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ ошибочнаго курса ихъ практики, но и превращать организацію въ надъ-классовую, способную соединенными усиліями теоретическаго разума и практическаго искусства нейтрализовать обычное дѣйствіе законовъ классовой психологіи.

„Общество выдѣляетъ крайне много лицъ, годныхъ для „дѣла“, но мы не умѣемъ утилизировать ихъ“ (стр. 97). Ихъ сумѣетъ, однако, утилизировать коллективный кружковой интеллигентъ, сложившійся въ профессіонально-революціонную организацію, читающій свою собственную партійную газету и идущій „во всѣ классы населенія“. „И врядъ ли хоть одинъ практикъ усумнится въ томъ,—продолжаетъ увѣрять насъ Ленинъ (стр. 98),—что соціалдемократы могли бы распредѣлить тысячи подобныхъ функцій своей (организаціонной) работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ“. Т.-е., иначе говоря, правильное п о н и м а н і е историческаго хода развитія сдѣлало бы изъ революціонера по профессіи сверхъ-человѣка, а изъ его организаціи интеллигентской и на самомъ узкомъ базисѣ построенной—силу, своимъ вліяніемъ на классы превосходящую многимъ ту степень давленія на прочія группы населенія, которую оказываетъ организованная пролетарская масса западно-европейскихъ соціалистическихъ партій.

Такъ, сохраняя свою матеріалистическую внѣшность, кружковая интеллигенція приходила къ чисто идеалистическимъ выводамъ; наперекоръ воспринятому, идея отрывалась отъ среды и, оторвавшись, продолжала въ головахъ интеллигенціи самодовлѣющее,

фантастическое существованіе, подобно тому, какъ и сама интеллигенція, оторванная отъ ее окружающаго міра, живетъ, точно подъ стеклянным колпакомъ, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ отношеній. Однако, не одно это разобщеніе идеи со средой, типичное вообще для кружковой интеллигенціи имѣло въ данномъ случаѣ значеніе. Надо прежде всего помнить, что интеллигенція, стоявшая на рубежѣ двухъ десятилѣтій, интеллигенція самаго начала 1900-хъ годовъ, революціонизируясь и безсознательно для себя вырабатывая культъ своей групповой коллективности, въ то же время едва только выходила изъ того марксистскаго „просвѣтительнаго“ періода, который только что пронесся на глазахъ ея блестящей полосой. Было нѣчто, дѣйствительно, неотразимо-обаятельное въ этомъ побѣдномъ шествіи марксизма. Идея марксизма, казалось, не знала препятствій, она сметала съ пути своего все и подчиняла вліянію даже самые неподобные элементы. Можно было, разумѣется, говорить о поверхностномъ дѣйствіи этого вліянія, о томъ, что различные общественные слои различное вносили въ марксистское „повѣтріе“, но не легко было тогда отказаться отъ мысли, что разъ марксистскія идеи могли такъ недавно еще господствовать, хотя и преломленныя, въ средѣ русской общественности, то осуществима и заманчивая перспектива превратить эту идейную гегемонію въ политическую, предоставивъ профессіональному революціонеру въ этой новой—политической—сферѣ играть ту же роль, которую только что Марксово ученіе играло въ сферѣ идейной.

И ключемъ къ разрѣшенію партійной проблемы такъ соблазнительно легко представлялась постановка литературнаго органа, какъ центра организаціоннаго строительства, съ одной стороны, все-классовой агитаціи—съ другой.

Но если уже въ оцѣнкѣ предстоявшихъ революціонному коллективу задачъ кружковая интеллигенція была раціоналистична, то тѣмъ болѣе наглядно долженъ былъ проявиться ея оптимистическій, на просвѣтительный манеръ раціонализмъ въ вопросѣ объ основной единицѣ—ячейкѣ революціоннаго коллектива,—профессіональномъ революціонерѣ in concreto. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за мистическую силу сочетанія организаціоннаго

принципа и теоретической правильности, якобы способную творить чудеса, здѣсь надлежало вплотную подойти къ вопросу о томъ, что же представляетъ собой революціонеръ по профессіи въ русской дѣйствительности, каковы элементы его политической дѣятельности и какъ вырабатываются, какъ могутъ вырабатываться въ профессіонально-революціонной средѣ тѣ „политическіе вожди“, которые призваны стать, по словамъ Н. Ленина, во главѣ „общерусской централизованной организаціи?“

Что такое революціонеръ по профессіи? Это—по Ленину—спеціалистъ конспираціи, это человѣкъ, годами тренировавшій себя на „борьбу съ политической полиціей“.

„Въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ“—пишетъ онъ—должны быть „сосредоточены всѣ конспиративныя функціи“ (стр. 95), т. е., иначе, все руководство движеніемъ. Взять, напримѣръ, демонстрацію. „Десятокъ испытанныхъ, профессіонально-вышколенныхъ, не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п.“, т. е. дергаетъ за ниточки всѣхъ персонажей этого „дѣйствія“, подобно режиссеру въ театрѣ маріонетокъ. Откуда же взяться этимъ сверхчеловѣкамъ и гдѣ та счастливая среда, которая подаритъ ихъ міру? Кружковая интеллигенція не смущалась отвѣтомъ и обращала на себя свой собственный указующій перстъ. Правда, она знала, что у нея не все благополучно, что „наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціалдемократовъ“ (стр. 5) совсѣмъ даже лишенъ соціалдемократическаго содержанія (стр. 60), знала настолько, что даже періодъ „съ 1894 по 1901 годъ“ сводила къ развитію типичнаго кружка студентовъ, увлекшихся соціалдемократизмомъ.

„Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи со старыми дѣятелями движенія, безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько-нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ

своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „комитету новыя и новыя группы молодежи". При первыхъ же „военныхъ дѣйствіяхъ" кружка (агитаціонный листокъ, демонстрація), онъ обыкновенно немедленно проваливается (стр. 76).

Такова была исторія, написанная самой кружковой интеллигенціей, но, тѣмъ не менѣе, кружковая интеллигенція была твердо увѣрена, что этотъ хаосъ „неподготовленности", этотъ „узкій размахъ революціонной работы", на которомъ „и не можетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ" (стр. 79), все это исчезнетъ, лишь только бы кружки студентовъ (настоящихъ или бывшихъ) познали свою несостоятельность, приняли предложенный имъ „планъ" и начали воспитываться на „общерусской политической газетѣ".

„Нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты" (стр. 123)—категорически заявляетъ „Что дѣлать" и не менѣе категорически продолжаетъ: „никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ воспитаться руководителямъ этой борьбы изъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. Воспитаться же такіе руководители могутъ исключительно (курс. Ленина) на систематической, текущей оцѣнкѣ всѣхъ сторонъ нашей политической жизни, всѣхъ попытокъ протеста и борьбы различныхъ классовъ и по различнымъ поводамъ (стр. 124).

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свою провиденціальную роль, давая революціонерамъ матеріалъ для полезнаго чтенія. Но газета, сверхъ того, коллективный организаторъ и, какъ таковой, есть развѣтвленное „широкое предпріятіе" (стр. 130), въ которомъ революціонеры найдутъ „разнообразные виды дѣятельности, какъ детальные работники, и чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы". „Вокругъ этого... общаго дѣла систематически подбиралась и обучалась бы постоян-

ная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ и подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись бы и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціалдемократическіе Желябовы, изъ самихъ рабочихъ—русскіе Бебели“ (стр. 131). Итакъ, детальная работа около общаго газетнаго дѣла и—въ дополненіе къ ней или независимо отъ нея—чтеніе, т. е. литературная оцѣнка текущихъ событій, вотъ гвоздь организаціоннаго новаторства, вотъ та волшебная палочка, которая должна превратить эксъ-студента кружка кустарей во всероссійскаго народнаго трибуна и на вчера еще неподготовленную, неумѣлую молодежь сегодня возложить непосильное бремя всероссійскаго политическаго руководства.

Въ этой двухчленной кабалистической формулѣ, какъ „солнце въ малой каплѣ водъ“, отразился весь специфическій укладъ кружковой интеллигенціи, замкнутой въ себѣ и въ своемъ мірѣ идей, отщепленной отъ жизни и смотрящей, какъ въ окошко, на чуждую и стороннюю ей жизнь, катящуюся мимо. Укладъ, которому близко знакомы идеи, ихъ вліяніе и борьба въ предѣлахъ кружкового обихода, но который въ то же время не имѣетъ и понятія объ ихъ дѣйствіи на просторѣ, объ ихъ столкновеніяхъ и взаимоотношеніяхъ въ средѣ классовой и межклассовой; который не знаетъ соотвѣтственной мѣрки для сопоставленія жизни кружка съ жизнью внѣшней, запредѣльной, и потому тѣмъ легче навязываетъ классамъ и группамъ ту же самую переметчивость, которая въ сферѣ идей отличала искони кружковщину, и забываетъ—хотя бы въ данный моментъ атмосфера кружковъ была насыщена матеріалистическими тезами—объ основномъ,—что всякая общественная среда научается въ конечномъ счетѣ не печатнымъ словомъ, этимъ, конечно, необходимымъ пособіемъ, а предметной педагогикой испытаній,—какъ вкушать отъ древа познанія общественныхъ отношеній и какъ умѣть въ нихъ практически находиться.

Кружковая же интеллигенція и не задавалась вопросомъ, какая механика жизни совершитъ переломъ, необходимый, чтобъ сдѣлать скачекъ изъ области первобытныхъ отношеній кружка въ сферу развитого политическаго дѣйствія. Она въ то время

находилась еще только въ преддверіи практическаго строительства, при первыхъ этапахъ своего революціонно-группового самосознанія; она была полна романтическаго порыва и чужда скептицизма; потому-то ея мысль безбоязненно скользила по возможнымъ затрудненіямъ, не останавливаясь въ раздумьѣ надъ тѣмъ, какъ все это конкретно образуется, какимъ образомъ дифференцированный работникъ „предпріятія" окажется вдругъ интегральнымъ политикомъ, и уже, конечно, была совершенно чужда проклятаго сомнѣнія—о пригодности вообще подполья для рѣшенія сложныхъ политическихъ задачъ, выдвигаемыхъ настоящимъ временемъ.

9.

Чтобы представить читателю культъ революціонера по профессіи въ его наиболѣе законченномъ видѣ, мнѣ пришлось въ предыдущемъ остановиться на потускнѣвшихъ страницахъ потерявшаго теперь свою публицистическую свѣжесть „Что дѣлать", заставляя безъ конца дефилировать въ наше подвижное и богатое величайшими событіями время его, казалось бы, совсѣмъ несовременные аргументы, его лишенныя актуальности построенія. Спрашивается, нужно ли было производить эту почти археологическую работу?

Я думаю, что—да. Несмотря на всѣ трещины, которыя революція успѣла образовать въ подпольѣ, и на проникшій черезъ нихъ свѣжій воздухъ простора, культъ группового интеллигентскаго „я" продолжаетъ оставаться до сихъ поръ идеологическимъ центромъ, отъ котораго обычно отправляются организаціонныя и тактическія идеи интеллигенціи и который своею тяжестью давитъ на все ея общественное міровоззрѣніе. Тѣмъ болѣе основанія изучать этотъ культъ тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ еще былъ безпримѣсно чистъ, гдѣ и когда онъ являлся еще классическимъ въ своемъ выраженіи. А это было лишь въ началѣ 1900-хъ годовъ, въ писаніяхъ тогдашняго Ленина.

Чѣмъ классикъ отличается отъ вульгарнаго представителя ученія? Своей непосредственной цѣльностью, незамутненной вѣрою въ правоту своей мысли, отсутствіемъ ощущенія растущаго раз-

лада между „планомъ“, сложившимся въ его головѣ, и направленіемъ соціальнаго развитія. У кружковой интеллигенціи только въ моментъ ея первоначальнаго выступленія на путь профессіонально-революціоннаго строительства и могли быть эта вѣра и эта цѣльность. Только тогда этотъ путь разстилался передъ нею открытымъ, убѣгая въ заманчивую даль, не провѣренный опытомъ; только тогда ей и казалось, дѣйствительно, что революціонеръ все можетъ, и это не было звенящимъ бахвальствомъ съ ея стороны, потому что подлинная практика жизни и борьбы находилась еще вся впереди и не могла собою засвидѣтельствовать всей предѣльности, всей вопіющей ограниченности „профессіонально-революціонныхъ“ возможностей. Наоборотъ, картина мелькавшихъ одно за другимъ текущихъ событій говорила какъ будто о противномъ, и вся коньюнктура того времени складывалась точно для того, чтобы убѣдить интеллигенцію въ раціональности этого культа.

Въ самомъ дѣлѣ, стихія интеллигентскаго революціонизма только что передъ тѣмъ сумѣла пробиться на авансцену исторіи въ образѣ студента-протестанта, привлекая къ себѣ всенародное вниманіе и накладывая печать на проявленія даже пролетарскаго движенія. Студентъ, такъ недавно занимавшій у рабочаго стачку, какъ форму борьбы, давалъ теперь реваншъ тому же рабочему, беря въ демонстраціяхъ инициативную, руководящую роль. Мнѣ уже приходилось однажды говорить о томъ огромномъ вліяніи, которое оказалъ этотъ фактъ на весь конгломератъ демократическихъ элементовъ Россіи. Но если подъ его впечатлѣніемъ въ первую голову измѣнялась „двуликая демократія“—революціонная и умѣренная, то не менѣе давало себя чувствовать дѣйствіе его для той части кружковой интеллигенціи, которая была связана социал-демократическими традиціями и спаяна вѣрой въ рабочія массы. Революціонная интеллигенція—величина политически замѣтная и даже внушительная, гласило выступленіе студенчества. Насколько же должно возрасти ея значеніе и не можетъ ли оно стать всеобъемлющимъ и провиденціальнымъ, если ея вниманіе направится на руководительство массъ и ея энергія будетъ затрачена на то, чтобы ей—„профессіонально-революціонной“ интеллигенціи — въ

своемъ качествѣ такого руководителя, сдѣлаться вождемъ всероссійскаго освобожденія?

Одно къ одному: развитіе революціонно-кружковыхъ отношеній и неизбѣжное его слѣдствіе—групповое самосознаніе интеллигенціи, съ одной стороны, исключительная комбинація момента, съ другой, и въ результатѣ—та рѣзко-типичная форма интеллигентскаго культа, которая блистала на зарѣ нашей организаціонно-партійной работы. Неправильно было бы, однако, представлять себѣ, что тогда этотъ культъ расчищалъ себѣ дорогу, сквозь толщу заимствованной съ Запада идеологіи, совершенно ужъ легко и безпрепятственно. Правда, имъ была насыщена атмосфера кружковой среды и онъ служилъ постоянно руководящимъ мотивомъ для коллективнаго творчества интеллигенціи. Но, входя инороднымъ, паразитирующимъ тѣломъ въ доктрину соціалдемократіи, усваиваясь ея литературой, онъ не встрѣчалъ подходящихъ условій для своего дальнѣйшаго развитія и потому застревалъ, обыкновенно, на положеніи предпосылки, изъ которой дѣлаются соотвѣтственные практическіе выводы, но которая отнюдь еще не есть согласованное въ себѣ, практически-политическое ученіе. И только въ писаніяхъ Ленина ему удалось доразвиться до роли такого стройнаго въ своемъ родѣ и въ своемъ родѣ законченнаго ученія. Но именно на этомъ-то и основывается историческое — въ развитіи русской интеллигентской соціалдемократіи—значеніе этого писателя и дѣятеля.

Ленинъ далъ опредѣленныя очертанія тому, что до него бродило въ головахъ интеллигенціи, не находя себѣ выхода, разсѣянное и живущее только обрывками. Сведя разрозненные элементы въ одно цѣлое, онъ заключилъ ихъ въ формулы и поднялъ на степень призывныхъ лозунговъ. Онъ дерзалъ. Тамъ, гдѣ другіе, болѣе связанные, чѣмъ онъ, общимъ духомъ соціалдемократическаго ученія, останавливались на половинѣ пути, обрывали на полусловѣ, тамъ онъ шелъ до конца, выговаривая послѣднюю букву, какъ и первую, съ такой же непринужденной смѣлостью. Доктринеръ по природѣ, какъ истый кружковой человѣкъ, онъ готовъ былъ присягать надъ послѣдней запятой воспринятой догмы и рвать на части ея супостатовъ, и въ

то же время не замѣчалъ, что для ея разрушенія онъ дѣлаетъ больше кого-либо изъ нихъ—съ непосредственностью варвара, съ элементарной силой стихіи; не пролетарской, конечно, съ которой онъ находился не въ ладахъ, а той, по теченію которой онъ плылъ и воплощеніемъ которой являлся. Потому, что онъ самъ, этотъ борецъ со „стихійностью“ и побѣдитель „хвостизма“, былъ тѣмъ стихійнымъ человѣкомъ, который въ концентрированномъ видѣ собою изображалъ цѣлую важную полосу въ развитіи кружковой интеллигенціи. Онъ былъ полусознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса ея группового самоопредѣленія и потому со стороны представлялся ведущимъ, когда былъ, на самомъ дѣлѣ, ведомъ, и самопроизвольно сочиняющимъ „планы“, которые, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывались только кодифицированными, втиснутыми въ рамки марксизма, возведенными въ перлъ, имѣющимися уже налицо тенденціями кружковой среды. И, конечно, въ таковомъ своемъ свойствѣ, онъ былъ спаянъ съ этой самой средой наитѣснѣйшей органической связью. Воспринимая и мысля, какъ эта среда, онъ тѣмъ легче зато, когда нужно, могъ наигрывать на ея общественно-психологическихъ струнахъ, какъ виртуозъ на инструментѣ. Въ этой связи была его огромная сила и въ то же время погубившая его слабость; сила, сообщавшая резонансъ его рѣчи, пока кружковая интеллигенція находилась на восходящей кривой своего развитія, и слабость, которая дала себя почувствовать, какъ та рабская зависимость, о которую разбился его талантъ и въ которой закоченѣла его мысль, когда въ этой средѣ, потерпѣвшей крушеніе на практикѣ партійнаго строительства, начался процессъ разложенія. И понятно, что сугубое вліяніе проявляла его близость къ средѣ и его обусловленность ею—въ исходный моментъ формированія кружкового культа.

Теперь уже вошло почти въ обыкновеніе тотъ періодъ въ жизни русской соціалдемократіи, который родился подъ знакомъ общеинтеллигентскаго и, въ частности, студенческаго движенія—такъ называемый политическій періодъ — крестить именемъ „Искры“. И это, разумѣется, вѣрно до извѣстнаго предѣла, потому что именно данный коллективъ явился организующимъ це-

ментомъ, скрѣплявшимъ собою централистическую постройку интеллигентской соціалдемократіи и той литературной трибуной par excellence, съ которой пускался въ оборотъ весь циклъ идей—общеполитическихъ, тактическихъ, организаціонныхъ, — которымъ жила и волновалась за означенный періодъ соціалдемократическая интеллигенція. И, однако, мы уже знаемъ, не этотъ коллективъ вобралъ въ себя наиболѣе характерныя черты своего времени, а лишь тотъ его единственный членъ, который являлъ собою стихію интеллигентскаго движенія. Вѣдь, не случайно, въ самомъ дѣлѣ, и не по прихоти злостной тенденціи, мы были вынуждаемы до сихъ поръ въ характеристикѣ революціонно-кружковой идеологіи довольствоваться тѣмъ матеріаломъ, которымъ насъ надѣлялъ достопочтенный авторъ „Что дѣлать?“ Достаточно взглянуть на литературу того времени, на тогдашнюю „Искру“, чтобы убѣдиться въ основательности этого дѣленія. Большинство вопросовъ, трактовавшихся Ленинымъ, трактовалось и въ прочихъ писаніяхъ искровской группы. Но какъ? Какъ будто бы такъ же, и одновременно будто не такъ: нѣтъ или отсутствуютъ почти совершенно тѣ стороны предметовъ, которыя являются симптоматическими для интеллигентской кружковой идеологіи; нѣтъ Ленинскихъ острыхъ угловъ, нѣтъ провоцирующихъ выпадовъ, нѣтъ профессіонально-революціоннаго апоѳеоза, нѣтъ развитой концепціи оппозиціонной Россіи, состоящей подъ опекой у интеллигентской соціалдемократіи. И различіе рисуется настолько большимъ и очевиднымъ, что сейчасъ же возникаетъ вопросъ: какъ могли терпѣть съ собою рядомъ эту доморощенную кружковую „философію“ люди, которые, казалось бы, всей своею жизнью срослись съ интернаціональнымъ движеніемъ соціализма? Но въ томъ то и дѣло: эти люди терпѣли „философію“ потому, что она имъ представлялась не единообразнымъ органическимъ цѣлымъ, котораго корни въ извѣстныхъ общественно-историческихъ процессахъ, а собраніемъ случайныхъ эксцессовъ, одиночными блужданіями одиночнаго писателя, которыми, конечно, всегда можно и должно пренебречь, переходя къ очереднымъ дѣламъ. А представлялась она такъ потому, что и сами они, какъ и всѣ современники момента, не могли перескочить черезъ то

исходное положеніе, которое и представляло первоисточникъ зла, которое само было отраженіемъ революціонно-интеллигентской стихіи и которое въ своемъ конечномъ развитіи приводило къ уже извѣстному культу.

Положеніе же гласило: коллективъ, слагаемый нами и къ созданію котораго мы всѣ такъ жадно стремимся, профессіонально-революціонный коллективъ и есть наша русская соціал-демократическая рабочая партія; правда, въ первичномъ, зародышевомъ видѣ; но какъ изъ эмбріона выростаетъ организмъ, точно такъ же изъ нашей организаціи профессіоналовъ-интеллигентовъ по преимуществу—со временемъ разовьется преемственно-организаціонно великое тѣло великой будущей партіи рабочихъ. Мы не только современный союзъ коммунистовъ, мы не скромная бацилла, вносящая въ среду свое пропагандистское и агитаціонное броженіе, мы не ограничиваемся ролью той „искры", изъ которой разгорается пламя пролетарскаго пожара; нѣтъ, мы сами создаемъ тѣ формы, мы сами вырабатываемъ тѣ планы, мы сами издаемъ тѣ обязательные къ выполненію законы, по которымъ полагается жить и работать пробуждающемуся къ сознанію „самодѣятельному" пролетаріату.

Можно сказать, изъ всѣхъ тезисовъ, когда-либо обращавшихся въ предѣлахъ россійской соціалдемократіи, не было другого, который пользовался бы равнымъ признаніемъ и болѣе объединялъ всѣ оттѣнки и направленія мысли, чѣмъ это исходное положеніе, и ни въ чемъ не отразилась съ такой силой стихійная идеологическая мощь интеллигентскаго развитія, какъ именно—въ этой его всеобщности. Отъ „Группы Освобожденія Труда" и до послѣдней организаціи, еще не успѣвшей совлечь съ себя „ветхаго Адама" экономизма, всѣ пользовались этимъ положеніемъ, аргументируя отъ него и къ нему и тѣмъ самымъ сводя въ сущности на нѣтъ пріобрѣтенія международнаго опыта, тѣмъ самымъ въ основѣ подрывая себѣ возможность принципіальной оппозиціи. Потому-то и безмолвствовала „Искра", какъ цѣлое, попустительствуя; потому-то и оставалась безплодной, не попадая въ точку и размѣниваясь на подробности, вся критика противниковъ „Искры".

Рязановъ, Мартыновъ, рабочедѣльцы вообще, каждый изъ нихъ въ свое время сказалъ такое нѣчто, что было частицею правды и которое, однако, проходило, не задѣвая общественнаго сознанія, какъ надстройка надъ все тѣмъ же фундаментомъ, но только не столь выдержанная и цѣлостная въ стилѣ, какъ зданіе, о сооруженіи котораго мечталъ стихійный человѣкъ интеллигенціи. Вѣдь, и пресловутаго „демократизма" „Рабочаго Дѣла" хватало de facto лишь на то, чтобы совершать манипуляціи въ предѣлахъ кружковой среды. И развѣ только одиночка Надеждинъ одинъ какимъ-то нутромъ подходилъ къ сути дѣла, безсильный, однако, какъ свободный отъ теорій эмпирикъ, противопоставить принципу—принципъ, системѣ—систему. Выживала та идеологическая форма, которая оказывалась наиболѣе приспособленной къ запросамъ момента, наиболѣе отвѣчающей психологіи данной среды. А такой формой былъ и оставался ленинскій культъ революціонера все время до тѣхъ поръ, пока практическая жизненная провѣрка не начала совершать надъ нимъ того же дѣла разрушенія, которое она произвела надъ всей кружковой интеллигенціей.

10.

Жизнь не сразу приступила къ этой ломкѣ. Нѣкоторое время могло еще казаться, что формированіе культа и строительство практики, эти двѣ противоположныхъ стороны въ единомъ процессѣ развитія кружковой интеллигенціи, идутъ оба къ своему увѣнчанію. Россія покрывалась все учащающейся сѣткой кружковъ. Кружки заживали болѣе интенсивной, чѣмъ прежде, болѣе общей жизнью. Разрозненныя до того „кустарныя" ячейки завязывали связи другъ съ другомъ. Основательно позабытое, неизвѣстное всему предыдущему десятилѣтію, такъ называемое „нелегальное положеніе" становилось той нормой, которая опредѣляла собою кружковое бытіе и сулила хотя бы нѣкоторую прочность существованію партійныхъ работниковъ. Вся техника борьбы поднялась на высшую по сравненію съ прежнимъ ступень; дождь прокламацій усиленно изливался на обывателя и рабочаго, появилась

„общерусская политическая газета“, размножалась агитаціонная литература вообще; пріобрѣтали значеніе тѣ функціи, которыя обслуживали не одни только мѣстные интересы, закладывалось что-то въ родѣ элементовъ аппарата, который долженъ былъ взять на себя вскорѣ руководство всей практикой. И сама практика — сообразно измѣнившимся общественнымъ условіямъ, въ соотвѣтствіи предгрозовой атмосферѣ дореволюціоннаго времени —измѣняла свой характеръ: профессіональные, частные мотивы въ агитаціи уступали мѣсто мотивамъ всероссійскаго, общаго характера, и универсальный политическій лозунгъ момента единообразно повторялся на всемъ протяженіи россійской территоріи, являясь повсюду тѣмъ фокусомъ, который стягивалъ вокругъ себя политическія выступленія пролетаріата.

Правда, эти выступленія уперлись весьма быстро въ тупикъ; правда, весьма скоро стало ясно, что это выступленія не массовыя и что примѣръ донского комитета, блеснувшаго своей связью съ рабочей массой и со всѣмъ городскимъ населеніемъ Ростова, въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за ноябрской стачкой, т. е. въ зиму 1902—1903 гг., являлся скорѣе исключеніемъ— если исключеніемъ подтверждавшимъ общее правило, чѣмъ типичнымъ образцомъ кружковой, комитетской работы. Правда, весь указанный „прогрессъ“ былъ лишь ходомъ черепахи по сравненію съ общимъ темпомъ революціонизированія Россіи и въ значительной мѣрѣ только слабой отъ него производной. Но и эти изъяны движенія, отмѣчавшіеся въ сознаніи кружковой интеллигенціи, представлялись ей простымъ подтвержденіемъ той истины, что партійный механизмъ еще не налаженъ, что его слѣдуетъ наладить въ самую первую голову, и лучшимъ свидѣтельствомъ за то, что пора окончательно и безповоротно расквитаться съ партійнымъ „разбродомъ“, превративъ конгломератъ кружковыхъ комитетовъ въ единый организмъ, управляемый центральною волею. Если же агитація все же бѣдна содержаніемъ, если пропаганда за время революціоннаго подъема даже сократилась до минимума, если организаціонная работа, раскидываясь вширь, не оставляетъ тѣмъ не менѣе по себѣ достаточно прочнаго слѣда въ средѣ пролетаріата, тотчасъ на одномъ мѣстѣ или, въ лучшемъ случаѣ, при

самой оптимистической оцѣнкѣ, не поспѣвая хотя бы отдаленно за общенароднымъ возбужденіемъ,—то, вѣдь, это только до тѣхъ поръ, пока нѣтъ еще у насъ заправскаго революціонера, пока революціонеръ по профессіи въ лицѣ соотвѣтственнаго ему коллектива еще не выступилъ на первый планъ партійной исторіи чѣмъ-то вродѣ некрасовскаго барина, котораго когда-то поджидала крѣпостная деревня:

Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ!

Но когда „баринъ" дѣйствительно пріѣхалъ, когда партія, послѣ безконечныхъ проволочекъ, наконецъ-таки, конституировалась, уже не въ видѣ неоформленнаго „нѣчто", объединеннаго одною лишь идейною связью „манифеста" (1898 г.), а какъ желающее жить и живущее уставною жизнью организованное цѣлое, то оказалось, что она не только не сумѣла „разсудить", распутать очередныхъ вопросовъ движенія, а, наоборотъ, въ короткое время завязала новый узелъ конфликтовъ, ранѣе какъ будто непредвидѣнныхъ. Какъ изъ ящика Пандоры, изъ залы засѣданія такъ называемаго второго, а на самомъ дѣлѣ учредительнаго съѣзда вылетѣли и стали хищной стаей кружиться надъ партійной средой столкновенія и всевозможныя напасти: точно гнойный нарывъ прорвало, точно скрытая до того болѣзнь выступила сыпью наружу.

Это было ошеломляюще, неожиданно и, увы! въ то же время фатально неизбѣжно! Теперь, на разстояніи уже болѣе двухъ лѣтъ со дня начала раскола, когда между нами и имъ залегло цѣлое море событій—и какихъ! когда все это время напролетъ шла одна и та же жестокая выучка жизни, и жизнь не пожалѣла своихъ скорпіоновъ, разбивая иллюзія,—теперь мы поистинѣ въ правѣ и должны взглянуть происшедшему прямо въ глаза,—хотя бы эти глаза были медузьи и, сметя накипь случайностей, шелуху преходящихъ комбинацій, нащупать то ядро, ту основную историческую суть, которую заслонила шелуха въ этой трагикомедіи интеллигентски-кружкового развитія.

А суть заключалась въ томъ, что передъ кружковой интеллигенціей, съ переходомъ ея отъ несвязаннаго состоянія ком-

плекса отдѣльныхъ мѣстныхъ кружковъ къ положенію организаціи всероссійской, стало ребромъ противорѣчіе, которое прежде смутно чувствовалось, но которое въ полной мѣрѣ дало себя знать лишь при этомъ переходѣ, противорѣчіе между тѣмъ, къ чему стремилась и должна была стремиться кружковая интеллигенція, вынуждаемая къ этому всѣмъ ходомъ своего предыдущаго развитія, къ чему ее вела кружковая психологія и послушная этой психологіи логика, и тѣмъ, что кружковая интеллигенція была въ состояніи выполнить въ мѣру силъ и способностей, отпущенныхъ ей ея укладомъ.

Вѣчно ферментирующее, вѣчно будящее начало, незамѣнимый передаточный механизмъ для идейныхъ воздѣйствій, она не пожелала ограничиться этой относительно подчиненной, но все же отвѣтственной ролью: ея возросшее въ процессѣ идейной борьбы кружковое самосознаніе толкало ее на путь руководительства массой, на путь организаціи и регламентаціи огромнаго общественнаго движенія по схемамъ, которыя она сама создавала въ тиши своихъ кружковыхъ лабораторій. И она дѣлала то, что дѣлать само по себѣ уже было утопично—въ условіяхъ момента, но къ чему, сверхъ всего, особенно она была нарочито непригодна. Присмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, къ работѣ и къ жизни кружковой интеллигенціи, начиная съ ея элементарной ячейки: она пропагандируетъ, она агитируетъ, она организуетъ,—и на всей этой дѣятельности ея, какъ и на всемъ ея мышленіи, о чемъ я уже выше говорилъ, лежитъ неизмѣнно печать все той же безнадежной оторванности. Между ней и средой, въ которой ей надлежитъ оперировать, нѣтъ постояннаго взаимодѣйствія, нѣтъ реальныхъ связей, нѣтъ соприкосновенія быта, которое одно заставляетъ понимать другъ друга съ полусловъ, улавливать настроеніе среды, вѣрно опредѣлять запросы ея развитія. Среда, куда она такъ страстно и такъ жадно стремится, остается такою же, если не болѣе, чуждою ей, какъ и та среда, отъ которой она въ свое время отщепилась, уходя въ кружковое подполье. Проклятіе режиму, который загналъ ее въ это подполье, въ конспиративныя условія, пеленою окутавшія ее, ограждая отъ полицейскихъ репрессій и въ то же самое время изолируя отъ міра,—

но фактъ остается тѣмъ не менѣе фактомъ: кружковая интеллигенція въ этой своей предохранительной бронѣ развилась въ „чужестранку“, доведя до послѣдняго предѣла черты исключительной замкнутости, свойственной ей и безъ того въ обстановкѣ дореволюціоннаго общества. А это значитъ, что пропаганда ея книжно-отвлеченна, что агитація, оперируя съ небольшимъ запасомъ понятій, лишена всякой гибкости, что организація есть непремѣнно продуктъ ея абстрактно-кружкового творчества, безъ малѣйшаго отношенія къ тому процессу стихійнаго формированія, или вѣрнѣе къ тѣмъ тенденціямъ формированія, которыя обнаруживаетъ классъ, пробуждающійся для самостоятельнаго дѣйствія. Но не каждый изъ этихъ недостатковъ кружковой среды отражается въ одинаковой степени на результатахъ ея практики. Конечно, отвлеченность пропаганды существенный минусъ; но это минусъ, не сводящій до нуля всей работы. Даже и въ своемъ обезцвѣченномъ видѣ, даже и оборванныя, по винѣ ли „независящихъ“ отъ кружковой интеллигенціи обстоятельствъ, по винѣ ли самой интеллигенціи, уходящей съ головой въ агитацію, идеи соціализма, основныя положенія и практическіе выводы великаго ученія впитываются тѣми, для кого они больше всего предназначены, какъ влага изсохшею губкою. Классовая борьба, непримиримая противоположность интересовъ труда и капитала, необходимость для рабочихъ сложиться въ самостоятельную политическую партію,—эти и подобные имъ тезисы проходятъ сквозь сито кружковой среды, не теряя ничего или почти ничего изъ своей непосредственной дѣйственности, оставаясь такими же неотразимыми собирателями пролетаріата, какъ и ихъ оригиналы на Западѣ.

Но уже нѣчто иное представляетъ собою агитація и совершенно другое—работа организаціоннаго строительства. Если въ дѣлѣ пропаганды идеи остаются все же господами положенія, несмотря на фильтрацію, а кружковая среда служитъ только чѣмъ, то въ родѣ махового колеса передачи, то въ агитаціонной и еще болѣе въ организаціонной работѣ выступаетъ на первый планъ исполнитель, т. е. въ данномъ случаѣ первоначальная ячейка интеллигенціи. Это ей въ агитаціи выпадаетъ на долю оперировать надъ

сырьемъ текущей дѣйствительности, приводя его въ связь съ тѣмъ запасомъ идей или чаще съ той идеей, которую надо немедленно пустить въ оборотъ, претворяя въ конкретныя комбинаціи. Это она—организаціонно творитъ, въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова, творитъ, какъ художникъ творитъ изъ разбросанныхъ на палитрѣ красокъ, какъ скульпторъ изъ глины создаетъ свои образы; творитъ—потому что организовывать не значитъ для нея быть бродиломъ движенія, не значитъ культивировать только формующіяся силы, ограничиваясь своей помощью въ ихъ самопроизвольномъ сложеніи; а значитъ, наоборотъ, созидать группировки изъ матеріала рабочей среды, значитъ строить свои собственныя постройки.

Понятно, передъ подобными задачами первоначальная ячейка, кружокъ, проявила свою малую пригодность.

Только въ сферѣ агитаціи это было не такъ еще замѣтно: надвигающаяся революція спутывала карты, приходящіе въ движеніе все новые общественные пласты, все новые пролетарскіе элементы расширяли до крайности предѣлы возможнаго приложенія силъ, и экстенсивный ростъ всего движенія заставлялъ забывать о содержаніи работы—изъ-за удачной внѣшности, изъ-за болѣе блестящей, чѣмъ она была на дѣлѣ, картины упомянутыхъ успѣховъ. Въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ политическаго пробужденія съ благодарностью принимались тѣ лозунги, напряженно выслушивались тѣ рѣчи, въ которыхъ звучала общеполитическая нота момента, хотя бы въ нихъ заключалось, какъ въ большей части случаевъ, очень мало индивидуализированно-конкретнаго, хотя бы ихъ соціализмъ оставался зачастую въ предѣлахъ лишь одной терминологіи. И тѣмъ не менѣе, кружковая агитація сыграла извѣстную и даже очень значительную роль: она не оправдала надеждъ, на нее возлагавшихся, какъ на агитацію соціалдемократическую, но она все же была тѣмъ единственно сильнымъ революціонизирующимъ будильникомъ, какой только могла выдвинуть предреволюціонная эпоха, и тѣмъ смыкающимъ звеномъ, при посредствѣ котораго устанавливался непрерывный токъ тяготѣнія между широкими массами и идеей соціалдемократіи.

Много хуже было съ дѣломъ организаціоннаго строительства

Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, разительнѣе контраста между растущей и, несмотря на препятствія, въ своемъ положеніи укрѣпляющейся организаціей интеллигенціи и той организаціонной пустотой, той безъинниціативностью, которую распространялъ вокругъ себя интеллигентскій кружокъ въ примыкающей къ нему средѣ пролетаріата? А между тѣмъ, весь организаціонный „прогрессъ“ такъ называемаго политическаго періода русской соціалдемократіи сводился именно къ тому, что количественно и качественно вырастали кружки, превращаясь въ „комитеты“, укрѣпляли свои межкружковыя связи, выдѣляли обще-партійныя функціи, въ то же самое время сохраняя—за ничтожными изъятіями—свой исключительно интеллигентскій составъ, растеривая даже и то малое, что связывало ихъ съ пролетаріатомъ въ предшествующій періодъ „экономизма“. Организаціонная работа кипѣла, все больше становясь въ самомъ центрѣ вниманія, все сильнѣе привлекая къ себѣ кружковую мысль, но это была организаціонная работа надъ средой и въ предѣлахъ кружковой интеллигенціи, это было не что-либо другое, какъ процессъ ея собственной консолидаціи.

И чѣмъ болѣе она консолидировалась, тѣмъ сильнѣе обрисовывался специфическій характеръ этого кружкового строительства. Если кружокъ „кустарей“ „экономистовъ“ 90-хъ годовъ, кромѣ своихъ просвѣтительныхъ (въ широкомъ значеніи этого слова) задачъ, выполнялъ еще функціи чего-то вродѣ техническаго бюро при рабочемъ движеніи, преимущественно занимаясь формулировкою требованій, которыя рабочая масса того или другого завода предъявляла заводчику, и помогая рабочимъ—насколько хватало кружкового умѣнія—складываться въ особыя, правда, большею частью нескладныя, организаціонныя ячейки, то „политическій“ кружокъ 900-хъ годовъ былъ уже „выше“ подобнаго обслуживанія. Онъ не обслуживалъ, онъ руководилъ. Онъ безтрепетной рукой разрушалъ всѣ ячейки—во имя архитектурной красоты своихъ собственныхъ плановъ и, презрительно относясь къ нелишенной доктринерски-вредной наивности „регистратурѣ“ предыдущаго періода („не забѣгать впередъ массъ“, которое сводилось къ незабѣганію впередъ массового сознанія), издавалъ уже пароли, принималъ уже отвѣтственныя

рѣшенія—на свой рискъ и страхъ, какъ верховный руководитель движенія. Но кружокъ, на основѣ лишь мѣстнаго движенія, не могъ еще развернуть своего „руководства“, не могъ еще обнаружить во всей полнотѣ всѣхъ свойствъ своего организаціоннаго типа. Для этого ему необходимо было нужно—всероссійское основаніе. И кружокъ совершилъ свое послѣднее превращеніе, свое salto mortale: какъ объединеніе отдѣльныхъ кружковъ, какъ усовершенствованный высшаго порядка всероссійскій кружокъ, онъ метаморфизировался въ партію.

А это превращеніе значило—развитіе до послѣднихъ предѣловъ всѣхъ эмбріональныхъ, всѣхъ недоконченныхъ чертъ „руководящаго“, управляющаго уклада въ кружковой средѣ. Переходныя, межеумочныя формы исчезали: агитаціонно-пропагандистскій кружокъ „просвѣтительнаго“ типа окончательно стушевался передъ организаціей, въ которой по замыслу все должно было быть приноровлено къ осуществленію воли высшей или высшихъ инстанцій и къ передачѣ этой воли, для исполненія, массамъ.

Аппаратъ для осуществленія воли, ergo—административная машина, ergo—лѣстница іерархическихъ учрежденій, ergo—перестройка интелигентски-кружовыхъ отношеній, примѣнительно къ взаимно-обусловливающимъ другъ друга началамъ подчиненія и властвованія, смѣна примитивныхъ основъ обычнаго права развѣтвленной системой писаннаго закона уставныхъ нормъ. Ergo—при отсутствіи контролирующаго вліянія связи съ рабочими массами и сохраненіи кружковой традиціонной обособленности,—расцвѣтъ бюрократизма.

И бюрократизмъ былъ, дѣйствительно, то первое, что бросилось въ глаза, какъ стороннимъ наблюдателямъ, такъ и невольнымъ участникамъ процесса: бюрократизмъ и соотвѣтствующіе ему тѣ „маленькіе недостатки механизма“, тамъ плѣсень отношеній, которыя стали на время злобою дня кружковщины; и по праву—являясь самымъ яркимъ предостерегающимъ указаніемъ неблагополучія, свившаго себѣ гнѣздо въ партійномъ механизмѣ. Машина не дѣйствовала: она скрипѣла, она судорожно двигала своими отдѣльными частями и не трогалась съ мѣста.

какъ цѣлое. Оказалось, что, несмотря на многолѣтній процессъ подготовительнаго сплоченія кружковой интеллигенціи, логическій конецъ и вѣнецъ развитія былъ скачкомъ, на которомъ она сломала себѣ шею.

Внутри партіи производилась хлопотливая работа ломки-перестройки, налаживанія и прилаживанія частей, но во внѣ—ея колеса вертѣлись безпомощно въ воздухѣ, не забирая массы, ради приведенія которой въ дѣйствіе, вѣдь, только и существовалъ весь сложный партійный аппаратъ. Колеса вертѣлись въ воздухѣ! Потому-то налаживаніе частей, приспособленіе кружкового обихода къ субординаціи системѣ партійныхъ учрежденій, и принимало такія мучительныя, чудовищно-болѣзненныя формы. Ни одна среда—естественно и просто—не будетъ распредѣлять своихъ членовъ по полочкамъ, и никогда и сами члены среды не обратятся добровольно въ простые винты управляемой откуда-то машины, если у нея и у нихъ не будетъ въ процессѣ работы, самимъ ходомъ вещей, укрѣпляться сознаніе доброкачественности совокупныхъ результатовъ работы вѣра въ направляющихъ механиковъ. У интеллигентски-кружковой среды была вѣра въ чудотворную силу разумно-организованнаго строительства, но уже съ самаго начала, съ ея первыхъ же шаговъ, было въ то же время и какое-то смутное ощущеніе несоотвѣтствія между имѣющимися данными среды и задачами, поставленными передъ ней ея развитіемъ. Не оказывалось въ наличности людей. Были отдѣльные литературные авторитеты, идейно вліятельныя группы, былъ магъ и чародѣй, изобрѣтатель съ полудюжины популярныхъ партійныхъ рецептовъ, но не слышно было что-то объ организаторахъ практической работы, о политическихъ руководителяхъ движенія. И таково уже было впечатлѣніе отъ съѣзда и самого съѣзда (1903 года): это смутное свое ощущеніе съѣздъ выразилъ, раздробивъ между двумя враждебными теченіями. Съ одной стороны, ощущеніе развилось въ исканіе твердой руки, единой, центральной, заправляющей воли, въ призывъ варяга изъ-за моря, въ желаніе неукоснительно выполнять его—варяга—внушенія,—какъ бы въ видѣ возмѣщенія за отсутствіе партійныхъ элементовъ, пригодныхъ для самостоятельнаго управленія,

и самостоятельнаго политическаго творчества, съ другой — оно превратилось въ опасенія, вскорѣ ставшія прочнымъ убѣжденіемъ, что чѣмъ ретивѣе такіе исполнители, тѣмъ страшнѣе для движенія, тѣмъ невыносимѣе ихъ распорядительныя, ихъ „руководящія“ функціи.

Неопредѣлившіяся ощущенія первой поры получили затѣмъ подтвержденіе во всѣхъ перепитіяхъ дальнѣйшей исторіи, представляющей собой лишь одинъ скорбный листъ хроническаго партійнаго недуга, и—кто могъ раньше предвидѣть — на авансцену партійныхъ задачъ выдвинулся вопросъ о необходимой самооборонѣ противъ „административныхъ“ воздѣйствій внутрипартійныхъ устроителей. Не было людей! Но горшая бѣда была въ томъ, что они и не могли образоваться, что съ переходомъ отъ исключительно мѣстнаго кружкового бытія къ бытію общепартійному выросли, правда, во много разъ партійныя обязательства и трудности политическаго руководства, но отнюдь не улучшились—наоборотъ, какъ я сейчасъ покажу, ухудшились — условія для выработки серьезныхъ политическихъ работниковъ.

Политическое разумѣніе выростаетъ изъ политическаго опыта, изъ практики политическаго дѣйствія. А этой практики и этого дѣйствія у партіи, какъ у таковой, — и въ этомъ заключается противорѣчіе ея существованія,—оказалось даже меньше, чѣмъ у заурядныхъ мѣстныхъ кружковъ; потому что кружокъ, при всей своей мѣстной ограниченности, при своей обычной оторванности отъ внѣшней среды, все же вынуждается время отъ времени къ извѣстному коллективному дѣйствію, все же общается, хотя и урывками, хотя бы и плохо,—съ той массой, которой руководитъ, и все же принимаетъ иногда и кое-гдѣ отъ этой массы спасительныя для себя поученія. Не то въ партіи или правильнѣе было бы сказать—на верхнихъ ступеняхъ іерархіи, гдѣ находятся такъ называемые представители общепартійныхъ профессій. Между ними и „внѣшней“ средой залегло средостѣніе изъ мѣстныхъ кружковъ, и если слабо дыханіе жизни вообще проникающее въ сферу кружковщины, если импульсы, идущіе отъ массоваго движенія, не въ силахъ и тамъ—въ кружкахъ,— пробить бреши въ китайской стѣнѣ отчужденности, то насколько

же здѣсь, въ партійныхъ эмпиреяхъ, значительнѣе эта отчужденность, такъ сказать, возведенная въ квадратъ.

Нѣтъ политической работы всей партіи (прошу помнить: въ такой категорической формѣ я говорю о періодѣ предреволюціонномъ), нѣтъ практическаго дѣла, надъ которымъ могли бы упражнять свои способности партійные работники, научаясь оперировать съ различными общественными категоріями, разбираться въ конъюнктурахъ момента, находить въ нихъ мѣсто пролетарскому движенію и опредѣлять его очередныя задачи, словомъ, дѣлать политику, направляющую дѣятельность партіи въ цѣломъ, какъ передового пролетарскаго отряда, но зато есть „политика" „внутрипартійная", есть благодарное поле для произрастанія дипломатическихъ талантовъ, для появленія выдающихся спеціалистовъ—по обработкѣ общественнаго мнѣнія кружковъ въ желательномъ смыслѣ, по подготовкѣ конференцій или съѣздовъ, по „проведенію" резолюцій. Особый міръ, довлѣющій себѣ, суетящійся суетой муравейника, полный заботъ и хлопотъ объ... ирраціональномъ-мнимомъ, самъ исполненный мнимыхъ величинъ и опустошающій величины реальныя!..

Между тѣмъ, закипающая и идущая къ революціи жизнь не ждала и предъявляла свои требованія къ движенію и къ тому что себя полагало организованною частью движенія. Соціалдемократія должна была,—и что дальше, то больше, отвѣчать на запросы историческаго момента, откликаться на событія огромной политической важности. Если она была безсильна выступать, какъ организованный коллективъ, если она не умѣла и не могла изъ подполья приводить въ движеніе массы, то во всякомъ случаѣ она вынуждалась всѣмъ ходомъ вещей выставлять свои лозунги, опредѣлять свое принципіальное отношеніе къ событіямъ. Вѣдь, при всей своей организаціонной нескладицѣ, она жила одной общей духовною жизнью, она была той средой, надъ которой тѣнь Маркса вела постоянную борьбу съ измышленіями интеллигентскаго склада.

И въ эту-то общую сокровищницу идейнаго существованія партійные руководители, надкружковые и кружковые практики, вносили лепту, поражающе малую. Все движеніе мысли, которое

какъ ни какъ, несмотря на неблагопріятствующія условія, совершалось подъ напоромъ событій въ тѣхъ сферахъ, гдѣ циркулировали соціалдемократическія идеи, проходило мимо нихъ стороною или—ввезенное изъ-за границы, какъ, напр., большинство получившихъ затѣмъ распространеніе политическихъ директивъ—воспринималось пассивно, въ видѣ готоваго къ использованію продукта. И это чрезвычайно знаменательно. Кружковая интеллигенція, въ соціалдемократическій періодъ своего развитія, создала литературу, болѣе или менѣе удовлетворяющую требованіямъ, публицистовъ, болѣе или менѣе замѣтныхъ, и ни одного выдающагося практика. Были отдѣльные хорошіе пропагандисты, попадались талантливые агитаціонные ораторы, но ни одного организатора, ни одного изъ тѣхъ, кто двигалъ бы практику впередъ и въ ней творчески работалъ.

Знаменательно потому, что лучше иной аргументаціи свидѣтельствуетъ о засасывающей тинѣ партійно-кружкового обихода: тамъ, гдѣ этотъ обиходъ охватывалъ человѣка вплотную, онъ сводилъ его на нѣтъ, и только тамъ, гдѣ его дѣйствіе было посредственно, онъ оставлялъ достаточно простора для того, чтобы силы могли развернуться, не поддаваясь всецѣло гипнозу партійно-кружкового строительства. Литература была лучше практики, а идеи, къ которымъ она примыкала, правда, ихъ подчасъ искажая, много лучше самой литературы. Это какъ разъ обратное тому, что наблюдалось въ 70-ые годы, въ тотъ прежній активный періодъ интеллигентскаго развитія, когда на основѣ наивнаго романтизма народниковъ и необоснованнаго теоретически революціонизма народовольцевъ, путемъ естественнаго подбора, выростала блестящая фаланга дѣятелей, поразившая весь міръ своимъ профессіональнымъ искусствомъ. Въ то время кружковая среда отливала всѣми красками самыхъ разнообразныхъ практическихъ талантовъ; въ то время не Левъ Тихоміровъ и никто либо другой изъ пишущей братіи, а именно Желябовъ, Александръ Михайловъ, Халтуринъ и другіе практическіе работники были—spiritus rector, вдохновителями и кормчими тогдашняго кружкового движенія.

Почему-же теперь, въ періодъ соціалдемократическаго раз-

витія, профессіональный революціонеръ, „опирающійся на правильную теорію“, доразвился развѣ только до уровня „комитетчика“ или, пожалуй, комми-вояжера кружковыхъ идей? Почему мы такъ и не дождались до сихъ поръ не то что появленія отечественнаго Бебеля (это безъ дальнѣйшаго понятно, ибо какой-же Бебель въ подпольѣ), но даже и соціалдемократическаго Желябова, котораго когда-то пророчилъ намъ Ленинъ? Почему?

Да потому, что дѣятельность старыхъ организаціонныхъ ячеекъ, въ противоположность сизифовой работѣ современнаго намъ кружкового строительства, вела прямо и непосредственно къ цѣли, къ тѣмъ ближайшимъ задачамъ, которыя себѣ она ставила. При своемъ конечномъ утопизмѣ, она была превосходно приспособлена для рѣшенія этихъ ближайшихъ задачъ и превосходно отвѣчала кружковому укладу интеллигенціи. По существу-же, это была не столько политическая, сколько техническая работа, и ея трудности, въ преодолѣніи которыхъ находили себѣ выходъ ловкость, героизмъ, изобрѣтательность, находчивость работниковъ, были опять таки трудностями техническими, не требовавшими отъ этихъ работниковъ ни примѣненія подлинной политики, неизбѣжно сопутствующей соціалдемократическому движенію массъ, ни той политики въ кавычкахъ, въ которой, какъ мухи въ паутинѣ, запутываясь, увядали представители интеллигентской соціалдемократіи. Но потому-же самому ошибся бы тотъ, кто отъ прошлаго захотѣлъ бы аргументировать къ настоящему, и ссылками на примѣры героевъ террористической борьбы подкрѣплять свою мысль о великомъ политическомъ значеніи профессіонально-революціоннаго уклада. При удачномъ для нея стеченіи обстоятельствъ, кружковая среда выдвигаетъ героевъ и мучениковъ, смѣлыхъ партизановъ революціонныхъ набѣговъ, но она не дѣлаетъ политиковъ, она не даетъ вождей массовому общественному движенію. Можно сказать: политикъ рождается тогда, когда умираетъ кружковой человѣкъ. Только тогда, когда забродившая жизнь разбиваетъ затворы подполья и поскольку она ихъ разбиваетъ, въ замкнутую прежде среду начинаетъ вливаться политическое разумѣніе,

вмѣстѣ съ волнами горькаго опыта, вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіемъ и тѣми неудачами, которыя приноситъ разрушающейся средѣ эта пришедшая въ движеніе жизнь.

Безумно, поэтому,—и объ этомъ гласитъ намъ каждая страница, каждая строчка изъ недавней исторіи—безумно на основѣ кружковъ строить зданіе партіи, безумно чертить на ней контуры своихъ тактическихъ плановъ...

Тотчасъ же послѣ ея конституированія въ партію, въ кружковую среду, вмѣстѣ съ вспыхнувшимъ расколомъ, начало проникать сознаніе неладности такого положенія. Сознаніе проникало медленно, туго, имѣя противъ себя всю стихію кружкового развитія, уже зашедшаго въ историческій тупикъ, но еще не желающаго сдавать своихъ позицій исторіи. Потому ли неладно, однако, что посторонніе элементы мѣшаютъ, что поперекъ процвѣтанію партіи стоитъ злая воля отдѣльныхъ лицъ или группъ, или эта неладность имѣетъ болѣе общій источникъ своего происхожденія и связана съ партійнымъ строительствомъ? Эти два діаметрально противоположныя рѣшенія вопроса были одинаково выраженіемъ настроенія кружковой среды послѣ съѣзда, о которомъ я говорилъ уже раньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ исходною точкою для тѣхъ двухъ теченій въ рядахъ русской соціалдемократіи, которыя съ тѣхъ поръ не переставали противополагать себя другъ другу.

„Большинство“ и „меньшинство“! Одно рѣшительно и непримиримо консервативное, другое—колеблющимся шагомъ идущее къ новаторству. Одно—стоящее за сохраненіе во что бы то ни стало statu quo и дальнѣйшее развитіе основъ того же строительства, сводящее бѣды къ недостаточному развитію этого строительства, и другое—при всей силѣ своего отрицанія лишь половинчато и смутно намѣчающее положительную программу своей дѣятельности. Одно—съ самаго же начала своего появленія на свѣтъ законченно цѣльное—не хватало лишь немногихъ штриховъ къ его общественно-политическимъ взглядамъ, другое—непрестанно находящееся въ процессѣ формированія и больше опытнымъ путемъ намѣчающее свои частичные выводы. Одно—переведенный въ практику, расширенный и дополненный примѣ-

нительно къ оживившимся политическимъ условіямъ ленинскій культъ революціонера по профессіи, со всѣми заключеніями, изъ него логически слѣдующими, какъ-то: подготовка вооруженнаго возстанія, участіе во временномъ правительствѣ, на основѣ диктатуры пролетаріата и крестьянства, голый революціонизмъ, пренебрежительно отбрасывающій всѣ уроки парламентской борьбы западно-европейской соціалдемократіи, яко не приставшіе революціонному времени, отрицаніе самостоятельной роли за самопроизвольно возникающими рабочими организаціями и профессіональными союзами; и другое—рядъ отчаянныхъ усилій кружковой среды уйти отъ своего собственнаго развитія, всевозможными путями и по всякому поводу организаціонно и въ процессѣ активнаго политическаго выступленія связаться съ пробуждающимися массами и незамѣтно отстроить, такимъ образомъ, не срывая до основанія стараго, новое зданіе партіи.

Кто думалъ надъ тѣмъ, какъ развивались событія послѣднихъ годовъ, и захочетъ подвести въ своей памяти итогъ „меньшевистской" исторіи, тотъ оцѣнитъ по достоинству мартирологъ этихъ усилій. Начавъ съ малаго, съ критики „бюрократическаго централизма" организаціи, меньшинство въ процессѣ своего собственнаго развитія размотало клубокъ своихъ организаціонныхъ и тактическихъ разногласій съ большинствомъ, и подошло къ ихъ основамъ. Но оно подошло, не сказавши послѣдняго слова. Его кружковая природа была ему помѣхой; кружковыя традиціи связывали его установленными формами, задерживая на половинѣ пути въ его критикѣ, а точка зрѣнія, представленная сравнительно болѣе послѣдовательно и полно въ литературѣ „меньшинства," еще искажалась, дробилась, размѣнивалась на частности въ своемъ практическомъ примѣненіи. Линія наименьшаго сопротивленія кружковой среды, такъ сказать, ея линія стихійнаго тяготѣнія, проходила, несмотря на всѣ поучительные удары исторіи, не въ направленіи развитія „меньшевистской" идеологіи и тѣмъ меньше развитія меньшевистской практики.

Неудивительно, поэтому, что „меньшинство" не рѣшило принципіально вопроса о партіи, какъ о томъ коллективѣ, который, являясь результатомъ кружкового сплоченія и сохраняя въ своемъ

существѣ кружковыя основанія, тѣмъ не менѣе хочетъ брать на себя роль практическаго руководителя массового движенія. Оно продолжало лавировать между обычнымъ, установленнымъ профессіонально-революціоннымъ представленіемъ о партіи и тѣмъ отрицаніемъ партійно-кружкового строительства, которое стояло передъ нимъ пугающимъ призракомъ. Оно хотѣло быть организаціоннымъ реформаторомъ и, дѣйствительно, вырабатывало свои заслуживающія вниманія организаціонныя реформы, но въ то время уже, когда жизнь, отвергая реформы, признавала лишь одну революцію. И оно было, все время своего существованія, несмотря на свои частичные успѣхи и отдѣльныя исключенія, болѣе тенденціей, чѣмъ оформленнымъ движеніемъ въ кружковой средѣ, интеллигентски-кружковой Кассандрой, которую слушаютъ, но плохо разумѣютъ, и, желая послушать, дѣйствуютъ, тѣмъ не менѣе, по старому. Его тактическіе лозунги — эта главная заслуга его передъ движеніемъ — пріобрѣтали порой большую популярность, но это не мѣняло ни въ чемъ основного трагизма его положенія. А трагизмъ его поведенія заключался въ томъ, что кружковая среда въ ея цѣломъ не столько мѣнялась подъ вліяніемъ событій, сколько ломалась; не столько приспособлялась къ усложнявшимся политическимъ отношеніямъ, сколько таяла въ лучахъ революціоннаго солнца, усугубляя свою прежнюю исключительность болѣзненными чертами упадка. А между тѣмъ, вѣдь, миссія меньшинства была вся цѣликомъ расчитана именно на возможность такого постепеннаго перерожденія.

Но кружковая среда умирала неизмѣнной. Въ то самое время, когда вся русская жизнь переживала процессъ своего революціоннаго формированія, когда образовывались партіи, возникали безчисленныя организаціи и союзы, и одинъ общественный слой за другимъ приходилъ въ движеніе, вступая на политическую сцену, въ это время кружковая среда, безъ новаго притока свѣжихъ силъ, въ порѣдѣвшемъ составѣ, не успѣвъ связаться органически съ массами, но сохраняя еще мощь своего идейнаго вліянія, которое и затушевывало въ ея собственныхъ глазахъ отсутствіе прочной, органической связи, презрительно проходила мимо тѣхъ немногихъ возможностей, которыя ей представлялись,—связаться

съ массами въ процессѣ политическаго дѣйствія (такова была, напр., избирательная кампанія въ думу), и дѣлала конечные, логическіе выводы изъ своей кружковой идеологіи.

Это основное противорѣчіе исторіи послѣднихъ лѣтъ: сила идеи и безсиліе организаціи. Оно сказалось съ необыкновенною яркостью и въ минувшіе „дни свободы". Въ исключительные моменты революціоннаго подъема, соціалдемократія, выходя изъ своего „нелегальнаго" подполья, оказывала несомнѣнное давленіе на направленіе пролетарскаго движенія, и ея лозунги и призывы играли въ немъ часто рѣшающую роль. Но стоило волнѣ возбужденія отхлынуть и ей самой умѣститься опять въ своемъ старомъ подпольѣ, чтобы оказаться у разбитаго корыта, безъ связей, безъ живого общенія съ массой, способной, пожалуй, инсценировать демонстрацію безсилія и „недѣланія (бойкотъ), но не способной стать иниціаторомъ и руководителемъ дѣйствительнаго политическаго дѣйствія.

Культъ профессіональнаго революціонера въ своемъ примѣненіи: партизанскіе отряды, техническая подготовка, авантюризмъ дѣйствія и мысли, заговорщическая тактика всюду и вездѣ!

Передъ нами серьозная опасность, которую переоцѣнить невозможно! Кружковая интеллигенція слишкомъ тѣсно сплела свое существованіе съ идеей международной соціалдемократіи, чтобы ея разложеніе не оказало разлагающаго дѣйствія на тотъ престижъ соціалдемократическаго имени, который она сама же привила рабочей массѣ; чтобы ея кружковое строительство въ своемъ практическомъ завершеніи не разрушило до конца результатовъ ея многолѣтней пропагандистской и агитаціонной работы и не бросило массу — разочарованную, разувѣрившуюся — въ объятія чуждыхъ идей (анархистскихъ, буржуазно-демократическихъ или иныхъ, ихъ же ты, Господи, вѣси), отъ которыхъ она, казалось, была застрахована всѣмъ предыдущимъ развитіемъ.

Опасность нельзя переоцѣнить! И потому тѣмъ сильнѣе надо кликнуть кличъ: за идеи международной соціалдемократіи, за тотъ революціонный реализмъ, которымъ сильны были „Группа

Освобожденія Труда“, въ своей борьбѣ съ утопизмомъ народовольцевъ, и марксизмъ 90-хъ годовъ, въ своихъ нападеніяхъ на филистерское прекраснодушіе эпигоновъ народничества, за научный соціализмъ и опытъ соціалистическаго Запада,—противъ интеллигентски-кружкового строительства со всей связанной съ нимъ идеологіей!

Бываютъ историческіе моменты, когда тяжело выговаривать свою мысль до конца, подъ пѣніе непріятельскихъ снарядовъ, подъ выхватывающіе удары враговъ, когда каждое сказанное слово ложится на душу свинцомъ и рождаетъ сомнѣніе въ своей цѣлесообразности. И тѣмъ не менѣе—оно должно быть произнесено, это слово, отчетливо и громко!

Идея соціалдемократіи слишкомъ велика и движеніе пролетаріата слишкомъ могуче, чтобы не имѣть этого мужества! Только тогда, когда кружковая интеллигенція подойдетъ съ революціонной, а не реформаторской критикой къ самымъ основамъ своего кружкового строительства, она, быть можетъ, найдетъ въ себѣ силы обрѣсть свою старую роль бациллы русской общественности.

И только тогда она найдетъ себѣ подобающее мѣсто въ томъ подлинномъ строительствѣ, которое начнетъ за свой пай россійскій пролетаріатъ!

1905 г.—1906 г.
